



Да не судимы будете



Надежда
Черкасова

Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой

Надежда Черкасова
Да не судимы будете

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черкасова Н. А.

Да не судимы будете / Н. А. Черкасова — «Эксмо»,
2019 — (Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой)

ISBN 978-5-04-104428-2

Секретарша Леночка страстно мечтала занять кресло своей начальницы, судьи Аллы Никоновой. Леночка с нетерпением ждала удобного случая, который не пропустит ни за что на свете. Она хоть и верила в свою звезду, зажженную для нее папой, но пыталась и сама приблизить сокровенную мечту: усердно училась и постигала все премудрости лукавой Фемиды. Секретарша твердо верила, что Фемиде непременно нужно подсказывать, в каком направлении двигаться, иначе своенравная богиня правосудия может и невинного ненароком засудить. Тем более в их провинциальном городке творятся темные делишки. Уже убиты два самых известных адвоката, а сама судья Никонова редко появляется на работе и явно чего-то боится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104428-2

© Черкасова Н. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1. Милые бранятся – судьи тешатся...	6
Глава 2. Дачный вопрос, оставшийся без ответа	15
Глава 3. Страсти с покойником	26
Глава 4. Как поймать удачу на живца	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Надежда Черкасова Да не судимы будете

© Черкасова Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*«Стыд и честь – как платье: чем больше потрепаны, тем
безопаснее к ним относишься».*
Апулей

Глава 1. Милые бранятся – судьи тешатся...

Секретарша Леночка страстно мечтала о том, что когда-нибудь – в недалеком будущем – займет вождественное кресло своей начальницы, судьи Никоновой. Леночка с нетерпением ждала удобного случая, который не пропустит ни за что на свете.

Она хоть и верила в свою звезду, зажженную для нее папенькой, но пыталась и сама приблизить сокровенную мечту: усердно училась и постигала все премудрости лукавой Фемиды. Секретарша твердо верила, что Фемиде непременно нужно подсказывать, в каком направлении двигаться, иначе своенравная богиня правосудия – и Леночка это знала не понаслышке, а видела воочию – могла и невинного ненароком засудить.

Вот только одна загвоздка: начальница, как назло, словно приросла к своему месту и никуда не собиралась уходить. Хоть бы уж ее повысили в должности или она куда-нибудь переехала! Леночка бы стала достойной преемницей, и даже лучше, так как старалась вести себя одинаково вежливо и предупредительно со всеми, особенно с посетителями.

Не то что начальница, которая смотрит на простых смертных как королева со своего трона, а презренных участников судебного процесса даже взглядом не желает одарить, так как уже заранее, без всяких судебных разбирательств, наметила их в жертвы. Но что самое ужасное, так это...

Праведные мысли секретарши прервал высокий элегантный молодой мужчина, стремительно ворвавшийся в приемную. Он окинул Леночку ощупывающим заинтересованным взглядом, отчего у той порозовели щеки.

Нет, Леночка этого щеголя-адвоката явно недолюбливала, иначе бы не чувствовала себя с ним так неловко.

– Сама-то у себя?

– У себя, но очень занята: готовится к процессу.

Взгляд адвоката стал масляным, и Леночка сдалась.

– Сейчас доложу, – бросила она и мигом скрылась за дверью.

При ее появлении судья даже не подняла голову, уткнувшись в документы. Опасаясь получить нагоняй за беспокойство, Леночка набрала в роскошную грудь побольше воздуха, отчего верхняя пуговица на кипенно-белой блузе расстегнулась, и выпалила:

– Алла Николаевна, к вам вездесущий Берков.

Никонова взглянула на секретаршу, хрупкую блондинку со смазливим личиком, в голову которой неизвестно как забрела шальная мысль стать судьей, и вот она уже работает у самой служительницы Фемиды, находясь почти на подступах к заветному креслу. Неужели это ее папочка, помощник и правая рука прокурора Энска, стал генератором столь безумной идеи?

Леночка хоть и старательная, но – если не лукавить – особым умом все же не блещет. Однако перспективы, несомненно, у нее есть. Как и у любого другого, кто обременен нужными в их кругах связями. Так что она смело и беспрепятственно может двигаться к своей цели.

Леночка терпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая вердикта задумавшейся начальницы, которой наверняка не хотелось встречаться с этим скользким типом.

– Если не примете, он все равно прорвется, – попыталась она взять начальницу на испуг. – Вы же его знаете: он способен просочиться даже сквозь щель, – угрожающе зашептала Леночка, сделав большие глаза в качестве последнего аргумента убеждения.

– Тогда зови! – вздохнула судья.

– А чего меня звать-то? Я всегда тут как тут, – заскочил в кабинет адвокат и подмигнул выходящей секретарше, скользнув взглядом по ее бюсту.

Берков по-хозяйски расположился за столиком для посетителей, раскладывая многочисленные документы, глядя на судью ясными голубыми глазами праведника и улыбаясь добро-

душной белозубой улыбкой. Густые русые волосы прядями спадали ему на лоб, и он взмахом головы пытался вернуть их на предназначенное соответствующей прической место. Хорошо выбрит, костюм с иголочки, ногти после маникюра. И когда он все успевает?

Может, потому и успевает, что не женат. И у него куча времени следить за собой, любимым. Как будто у женатых его меньше, и они за собой ухаживают не так старательно. Наоборот, еще и жену впрягут в столь почетную миссию.

– Чего тебе? У меня ни минуты свободной, сейчас заседание суда. Не до тебя мне!

– Ясное дело, что не до меня. Я просто хотел узнать, как наши дела?

– Мои – при мне, а со своими сам разбирайся.

– Что с Петровыми? – даже не обратил внимания на пренебрежительный тон Берков. – Никаких сюрпризов не предвидится?

– Я работаю без сюрпризов, разве тебе неизвестно?

– Раньше работала, – поправил Берков. – Раньше. А теперь все изменилось. Как появился твой Перепёлкин.

– Тон смени!

– Извини! Я хотел сказать – наш Перепёлкин. Ведь он не только твои выверенные дела под откос пускает, но и дела других судей. Сколько твоих опусов уже вернули на пересмотр?

– Не твое дело!

– Обижаешь, подруга. Мое тоже. Потому что у меня репутация человека честного и умеющего держать слово. И мне совсем неинтересно, когда меня, словно нашкодившего щенка, тычут носом в...

– Я же сказала тебе, что решу эту проблему, – перебила Никонова. – В ближайшее же время. Переговорю с ним.

– Это ты сейчас так пошутила? Тогда почему мне совсем не смешно?

– Денис, мне сейчас и вправду некогда. Уходи, пожалуйста! После поговорим.

– Ты в эти выходные на даче будешь? Может, там и встретимся?

– Не знаю, пока не думала. Давай сначала созвонимся.

Берков мгновенно смел со стола документы в дорожный кейс из натуральной крокодиловой кожи и выпорхнул вон, не прощаясь. Это означало, что они сегодня еще не раз встретятся.

Неужели когда-то она его любила? Не может быть! Совсем немного времени прошло, а верится с трудом.

Им сейчас по тридцать пять. У обоих в личной жизни за последние десять лет ничего не изменилось. И вместе не остались, и порознь у каждого как-то не сложилось. А все потому, что себялюбие их не знает границ, и найти вторые половинки для самовлюбленных это пока не представляется возможным.

Зато в карьере каждый спешит к своим целям семимильными шагами. Алла не сегодня завтра станет председателем городского суда, а Денис ныне единственный в городе адвокат-посредник, которому доверяют все – и судьи, и прокуратура, и полиция, и администрация города.

Она задумчиво перелистывала лежащие перед ней документы. Чем ближе время очередного отпуска, тем меньше думается о работе. Да еще это не умолкающее ни на секунду пение беспредельно счастливых птиц, сбивающее с делового настроения.

Алла вздохнула и посмотрела в приоткрытое окно, выходящее в небольшой сквер за зданием суда, – огороженную от посторонних зеленую зону, куда иногда могли выходить судебские. Кто покурить, кто подышать свежим воздухом, а кто и посудачить о том о сем.

Южный ветер ласково и нежно раскачивал кроны деревьев с набухшими почками и кое-где распустившимися маленькими и нежными зелеными листьями. Весна радостно вступала в свои права и уверенно шагала по обновленным первой зеленью улицам южного провинциаль-

ного городка, насаждая в умах и душах местных жителей и приезжих необыкновенно яркое всепоглощающее чувство уверенности в завтрашнем дне, который непременно исполнит все их самые сокровенные желания.

До отпуска почти три месяца, но как Алла ни старается, судебных дел меньше не становится. Они растут словно снежный ком, и если не сосредоточиться целиком только на работе, оставив хотя бы один иск нерассмотренным, отпуска ей «не видать, как своей заветной цели». Так Алле объявил председатель суда, журя за проволочки в некоторых особо интересующих его делах.

Потому долой все отвлекающие мысли о лучезарном блистательном Средиземноморье, где продолжительность жизни гораздо выше среднестатистической по планете. Долгой мечты о скромной, но обязательно с бассейном, вилле на золотом песчаном берегу с необыкновенно сказочным видом на теплые пенные волны. Подождет также и сияющий всеми цветами радуги бесконечно прекрасный, но такой далекий и пока недоступный, как многие наши желания, горизонт.

За окнами продолжает ярко светить солнце, и воздух наполнен беззаботными, щемящими душу и радующими сердце трепетными ожиданиями любви, надеждами на счастье. Предчувствиями, что отныне все может быть и непременно будет только замечательно.

Невозможно представить хотя бы одного человека, который не испытывает этих весенних эмоций. А когда кому-то радостно, то кажется, что все кругом просто обязаны веселиться. Ведь счастливый человек всегда эгоистичен.

Алла поднялась и наглухо закрыла окно. Чтобы не отвлекаться. У нее нет причин чувствовать себя несчастной. Алла добила почти всего, чего хотела: власти, денег, почитания. Ей ужасно нравилось, когда к ней обращались в суде: «Ваша честь!»

Что еще может так возвысить человека перед остальными, а главное – в собственных глазах? И чего еще можно пожелать себе? Ну разве что счастья в личной жизни! А с ее-то энергией и напором такая перспектива уже не за горами.

Судья с удовольствием оглядела просторный кабинет, в котором нет ни одной лишней отвлекающей взгляд посетителя вещи: все строго и лаконично, по-деловому. Но если внимательно приглядеться, то присутствует нечто, обращающее на себя внимание.

Это маленькие, еле заметные печати – отпечатки креста, оставленные батюшкой на стенах после церковного обряда освящения кабинета. Такие же метки присутствуют во всех кабинетах здания городского суда. И почти во всех кабинетах на рабочих столах стоят маленькие церковные иконки.

Алла не совсем понимает, для чего все эти атрибуты. Чтобы очистить помещение от негатива, скапливающегося после судебных разбирательств? Или в качестве охраны от ненавидящих и злобных взоров, порчи – то есть какая-никакая, а все-таки защита? А может, просто дань моде?

Скорее всего, это доказательство того, что судьи – глубоко верующие люди и всегда поступают только праведно, по закону. Тогда Алла считает подобную постановку вопроса чудовищным кощунством, что не мешает ей следовать общепринятым правилам, ведь иконы в кабинетах создают ложное представление о хозяевах и служат неким показателем их честности, справедливости и верности.

Чему? То есть как это «чему»? Принципам беспристрастности и независимости согласно Кодексу чести, законности и неподкупности хозяев кабинетов.

А ведь это полнейшее заблуждение. «Крайняя несправедливость – казаться справедливыми, не будучи таковыми!» Нет, это не Алла придумала, а Платон. Но она, несомненно, с ним согласна...

Да ладно, неужели в их суде больше никто, кроме нее, не замарал честь мундира взятками? И Берков, хитрец этакий, хоть и признается ей постоянно в любви, а ведь ни об одном

судье не проговорился. Может, потому ему доверяют все – и свои, заядлые игроки чужими судьбами, и инакомыслящие праведники, которые опасаются затевать подобные игрища?

Вот и хорошо. Значит, и о ней никто ничего не узнает. Выходит, как ни крути, надежные люди, подобные Беркову, нужны. Хотя тот, кто слишком много знает и отягощен чужими тайнами, обычно долго не живет.

А если иконки – это напоминание судьям о том, что сверху за ними наблюдают, и их ухищрения и беззакония в любом случае известны самому главному судье всего человечества? Поэтому все, преступившие заповеди, будут наказаны?

Разумеется, возмездие преследует всякого, кто бы сомневался. Вот только догоняет немногих. А для того, чтобы тебя не догнали, полезно научиться не только хорошо бегать, но и как следует изучить действующее законодательство. Это незнание закона не избавляет от ответственности. А вот знание его даже запросто может избавить.

Алла с трудом оторвала взгляд от манящего, залитого солнцем вида за окном и раскрыла очередную папку. Гражданское дело было простым и ясным. Как мыльный пузырь.

Сначала появляется некая субстанция, радующая глаз, создающая ощущение праздника и именуемая мужчиной. Субстанция переливается всеми цветами радуги обещаний, надежд и счастливых планов на дальнейшую совместную жизнь с тобой, единственной и неповторимой. Затем пузырь лопается, вызывая растерянность и недоумение, разочарование и пустоту.

Очередная женщина принимает очередной мыльный пузырь за суженого-ряженого, единственного и неповторимого, делает на него ставку, надеясь на крупный выигрыш в этой сложной и коварной игре под названием «Семейная жизнь» и, как это бывает сплошь и рядом, когда выбираешь суррогат вместо настоящего, проигрывает.

Мужчина оказывается совсем не тем, кем хотелось его видеть. Рассматривать же внимательнее до замужества – нет ни времени, ни желания. А потому налицо присутствие некоей легкомысленности – не понравится, так разведусь! – а главное, надежда на авось, что подводит большинство женщин. И ее семейная жизнь, слепленная из мечтаний, рушится.

Когда женщина обманывается в своих самых светлых чувствах и надеждах, то есть в духовном плане, она судорожно пытается сохранить хотя бы материальное, легковерно надеясь на справедливость закона, о котором вдруг вспоминает.

Но и тут она обманута, так как делает ставку не на разум, а на эмоциональные переживания, связанные с любовью и ненавистью, совестью и коварством, то есть понятия, которые вообще в законодательстве отсутствуют.

Тогда как же разрешается ее вопрос в суде – по закону или по совести? А уж это исходя из представлений о справедливости многоуважаемого судьи.

И женщина снова проигрывает, так как мужчина в облаках не витает, а твердо и уверенно передвигается по земле, предпринимая конкретные действия, чтобы выиграть дело.

Алла с теплотой в душе вспомнила сумму денежных знаков, которую получила от Петрова через Беркова за вынесение ошибочного – не по вине судьи, разумеется, а исключительно по рассеянности или злему умыслу участника процесса! – решения. И еще одну, точно такую же, – ведь ложь и правда ценятся одинаково дорого! – за второе, совершенно законное.

Как же легко бывает спрятать маленькую полуправду за огромной законной справедливостью!

Теперь Петров вытрясет из жены всю душу, опустошит сердце, а вдобавок отберет через суд даже принадлежащее ей, оставив с двумя малолетними детьми и матерью-старухой на улице.

Мыльный пузырь, который женщина сама создала для себя, лопнул, оставив чувство безысходности, тоски и разочарования в жизни – опять-таки понятия, не определяемые законодательством. Как там, в народе, говорят: «Про нужду закон не писан»? Так оно и есть.

А потому Алла к этому никакого отношения не имеет, и совесть ее чиста! Да и чего ей стыдиться-то? Все берут, даже самые честные – им, кстати, дают гораздо больше, чем явным взяточникам, для которых и малость деньги.

Сейчас все и обо всем догадываются – но и только, так как доказать сие практически невозможно, – однако никто уже ничему не удивляется. Возмущаются, конечно, некоторые проигравшие. Но, как говорится, «сколько душе угодно», потому что «Васька слушает, да ест». Поэтому никто ничего и не делает, ведь у самих рыльце в пушку.

Вот и получается, что у Фемиды то повязка с глаз спадает, то весы барахлят, то мечом так размахнется, что только держись!

Судья вновь посмотрела на готовое решение. Сегодня появится еще одна неудачница, духовная калека. «Ты виновата лишь тем, что хочется мне виллу на Средиземноморье», – перифразировала Алла известное изречение небезызвестной басни.

Если вынести правильное решение, значит, обобрать себя, любимую. Но зачем так тщательно преступно отказываться от того, что само идет в руки? Фемида, конечно, хоть и слепа, но не глухая же и звон монет хорошо слышит.

А с появившимся гаденьким чувством обвалявшейся в грязи Алла, как обычно, справится. Съездит в путешествие куда-нибудь на лазурные берега Франции, где скоро поселится, приглядит достойное жилье, на которое у нее уже есть деньги, и останется только собраться с духом, чтобы оставить столь доходное хлебное место.

Шум волн, золотой песок под ногами и собственная дорогушая недвижимость быстро сотрут все воспоминания о том, откуда и каким образом у Аллы появились денежные средства на этот заграничный рай.

Прежде, после каждого прибыльного решения, когда на душе становилось беспокойно и мерзко, она ходила в церковь, ставила свечку за здоровье, просила у Бога прощение за свои слабости. Однако вскоре заметила, что сколько-нибудь заметного облегчения эти действия не приносят, так как являются лишь фарсом с ее стороны, после чего она вновь вынуждена принимать выгодное для себя решение.

Не больший ли это грех – обращаться за помощью к Богу и Его же обманывать?

Но в церковь все же ходить не перестала. На всякий случай. А вдруг эти ее неискренние молитвы будут услышаны, хотя бы немного уменьшат вину и смягчат наказание, которое, несомненно, когда-нибудь наступит, но уже не будет таким суровым.

Не убийца же она, в конце-то концов! К тому же не ее вина, что практически любое решение можно подвести под действующее законодательство. Не зря говорят: «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

Но Алла все же осторожничает. Потому что можно и меж глаз ненароком получить той же оглоблей, которой вертишь куда тебе заблагорассудится.

Она снова взглянула на знаки очищения на стене, на стоящую возле перекидного календаря иконку. Странно, конечно, но эта атрибутика и в самом деле благотворно воздействует. На посетителей.

Как же наивны люди! Они уверены, что если на столе у чиновника иконка, он непременно верующий и поступает исключительно честно и справедливо. По закону не только мирскому, то есть гражданскому, но и Божескому.

А на самом деле голова судьи может быть украшена невидимым капюшоном насилия, истинное лицо спрятано под маской лицемерия, а из-под мантии кокетливо высовывается кисточка хвоста. Все это тоже символы, но отвратительных страстей.

Мы постоянно живем с символами и не можем от них избавиться, потому что в противном случае начнем жить некой идеалистической жизнью, которая в действительности оказывается утопической и ложной. Поэтому у Аллы на столе стоит и всегда будет стоять иконка. Может, она и в самом деле уберезет ее от чего-то ужасного?

А что касается судебных ошибок, которые не исключены, так ведь судьи – тоже люди.

Она снова полистала папку. Это дело о разводе и разделе совместного имущества по иску Петровой В.Г. к мужу, Петрову С.Ф., начато семь месяцев тому назад, поэтому пора ставить в нем точку. Самое верное средство прикрыть нечто не совсем законное – спрятать его за надежную броню законности. Так она и поступит.

Пару месяцев назад Алла вынесла определение об утверждении мирового соглашения между Петровым С.Ф. и его сыном от первого брака Петровым В.С. о передаче тому за долги всего нажитого отцом имущества.

Так что Петрова В.Г., умудрившаяся не только выскочить замуж за мужчину с взрослым сыном, но и успевшая обзавестись в браке двумя детьми, остается теперь ни с чем. И сроки подачи жалобы уже пропущены. К тому же, чтобы достучаться до края, у истицы не хватит ни сил, ни средств, ни нужных связей.

И Алла здесь снова ни при чем. Она поступила строго по закону, на основании представленных суду документов. А если среди них «почему-то» не оказалось свидетельства о браке между Петровым С.Ф. и Петровой В.Г., значит, Петров С.Ф. не женат и права третьих лиц этим соглашением никак не нарушаются.

В обязанности судьи не входит истребование каких-либо документов от участников судебного процесса. Более того, судья не имеет права давать консультации.

Первое решение Алла выносила по одним документам, второе вынесет по другим. И будет по закону абсолютно права.

Она поднялась и принялась разглядывать себя во встроенном в дверце шкафа зеркале. Коротко стриженные под каре черные волосы с густой челкой, скрывающей чуть наметившиеся морщинки на лбу. Пристальный взгляд карих глаз, от которых ничто не укроется, яркая помада на губах, так ей идущая. Второй подбородок пытается обозначить свое существование, но если голова гордо вскинута, то пока его незаметно. Обтягивающая пестрая одежда только подчеркивает лишний жирок на животе и боках.

Ну и что? Алла усмехнулась. Вот уж она-то не станет осуждать себя и тем более ненавидеть за лишний съеденный кусок торта или плитку шоколада.

Алла не из тех, кто занимается самообразованием, уничижая и портя себе жизнь, лишая маленьких радостей. Наоборот, считает, что немалый вес и внушительный вид просто необходимы уважающему себя судье. Как оперному певцу, чтобы держать диафрагму. А в худеньком теле просто и негде разместиться всему, чему положено.

К тому же судейская мантия и так скроет под складками предательское суетное и мирское, символизируя, что судья не должен быть подвержен своим человеческим страстям и эмоциям.

Этот символ – ну, ты глянь, кругом одни символы! – напомним всем участникам судебного процесса об особом статусе судьи, а черный цвет – о его беспристрастности. Потому и не стоит себе хоть в чем-то отказывать.

Судья улыбнулась и принялась облачаться в мантию.

В здание суда вошел высокий импозантный мужчина лет пятидесяти с красивой проседью в густых темных волосах. Гордая посадка головы, уверенная походка и взгляд немного свысока должны были говорить окружающим: вот идет хозяин жизни, творец, вершитель судеб человеческих.

Все, кто встречался на его пути, расступались перед ним и уважительно смотрели вслед, осознавая, что им посчастливилось встретить очень важную и высокопоставленную особу.

И только на одного человека его появление не произвело никакого впечатления – на его жену, привлекательную, но с потухшим взглядом и словно выцветшую печальную женщину, сидящую на скамье возле зала судебного заседания.

Опущенные, словно под бременем жизни, плечи прибавляли к ее тридцати пяти почти с десяток лет. Она была сыта мужем по горло и хотела только одного – развода и раздела имущества.

Уже восьмой месяц, как она ходила в суд по повесткам, но рассмотрение иска все время откладывалось, так как ответчик по уважительным причинам на заседания не являлся.

Наконец с его появлением для нее проглянула хоть какая-то надежда. Сегодня закончатся ее мучения: их разведут, она получит право на свою законную часть супружеского имущества, состоящего из великолепного двухэтажного дома в престижном районе с огромным земельным участком, двух новых иномарок и четырехкомнатной квартиры в центре города.

Она знала, что на расторжение брака муж согласен, а нажитое в браке имущество по закону делится поровну. Неожиданностей не предвидится, главное – он здесь.

Именно сейчас все решится, и Вера его никогда больше не увидит. Она сотрет из памяти тот ад, в котором находилась десять лет и каким-то чудом уцелела, начнет жить заново, с чистого листа, но уже без него.

Вера так долго ждала этого момента, так волновалась, что у нее от страха заложило уши. И совсем неважно, что адвокат, обещавший ей золотые горы, сегодня вдруг не явился на заседание, позвонив Вере за пятнадцать минут до начала процесса с ошеломляющей вестью об отказе представлять ее интересы. Главное – Сергей соизволил появиться в суде.

Их пригласили в зал заседания, и после выполнения необходимых процедур судья Никонова предложила Вере указать причины, побудившие ее подать иск о расторжении брака.

– Ваша честь, – начала Вера, сжимая пальцы в замок, чтобы не тряслись руки. – Я считаю, что наш брак прекратился год назад, когда я вынуждена была уйти от мужа из-за его жестокого обращения со мной и моими близкими. Мы уже год не живем вместе, не ведем совместного хозяйства. Я считаю, что в данном случае о сохранении брака не может идти и речи. Мы разные люди, нас уже долгое время ничто не связывает. Я поддерживаю свои исковые требования как о разводе, так и о разделе совместно нажитого имущества. Все копии необходимых документов о праве собственности на имущество, оформленное на мужа, но приобретенное в браке, я суду предоставила... – От охватившей паники у нее перехватило дыхание, и она замолчала.

Вера смотрела на судью и понимала, что та совсем ее не слушает, а если и слушает, то слышит ли?

Никонова что-то искала в бумагах, думая о чем-то своем. Наверное, о том, что сегодня пятница, конец рабочей недели, а впереди долгожданные выходные с приятными сюрпризами.

Взглянув на мужа, его блуждающую по губам рассеянную ухмылку, Вера вдруг осознала, что перед ней разыгрывают спектакль.

– Ваша честь, – заговорил Сергей спокойно и уверенно, с легкой иронией и явным превосходством. – На расторжение брака я согласен. Хотя должен отметить, что за годы нашего брака я делал все возможное, чтобы моя жена и двое наших малолетних детей ни в чем не нуждались. Но раз жена совсем не ценит моих стараний и оказалась настолько неблагодарной, что даже подала на развод, считаю дальнейшее проживание с ней нецелесообразным.

Судья оторвалась от бумаг и с интересом слушала ответчика.

– Когда два года назад сестра Веры погибла в автокатастрофе, – продолжил Сергей, – я согласился на то, чтобы жена удочерила девочек, оставшихся сиротами после смерти матери, и я добросовестно делал все возможное, чтобы им в нашей семье было комфортно. Кроме того, я со временем осуществил перезахоронение, так как ее сестра проживала в другом городе, там же погибла и была похоронена. И все это лишь для того, чтобы жене и детям не ездить так далеко, посещая могилу на кладбище. Я изо всех сил старался, чтобы жене и детям жилось счастливо со мной, даже построил для нашей семьи дом.

Он замолчал и опустил голову, словно задумавшись. Дав полюбоваться собой и оценить его неоспоримые заслуги, Сергей снова взглянул на судью.

– Но вы видите, ваша честь, какой неблагодарной оказалась моя любимая жена. Она решила разрушить нашу семейную жизнь. Даже детей не пожалела. Однако все в жизни меняется. И я надеюсь, что жена когда-нибудь поймет, что не следует рушить то, что строилось целых десять лет. Особенно теперь, когда я потерял все имущество, которое мне пришлось передать за долги сыну, так как я не мог своевременно расплатиться с ним. Сейчас жена с детьми и со своей матерью проживают в моей квартире. Скоро и я к ним переберусь, так как сын потребовал освободить дом, потому что он уже нашел на него покупателя.

– На наш дом?! – не поверила Вера.

– Был наш, да за долги передан сыну. Ты разве забыла, на какие деньги он строился? Сама виновата. Если бы ты не решилась на этот никому не нужный развод, сын не стал бы обращаться в суд с иском о погашении долга по договору займа на строительство дома. Он бы подождал, пока я расплачусь с ним. Это ты виновата в том, что затеяла этот раздел имущества, и сын потерял надежду на то, что вернет свои деньги, которые изъяс из бюджета семьи, заняв нам на строительство. Теперь ты понимаешь, что натворила?

Сергей полюбовался Верой, застывшей, как изваяние, и снова обратил взор на судью.

– Поэтому, что касается раздела совместно нажитого имущества, то делить-то, собственно говоря, и нечего, ведь никакого имущества больше нет. Оно передано за долги третьим лицам, решение суда по данному вопросу в деле имеется. Имущество – вот главная причина желания жены развестись со мной.

Он мельком глянул на Веру, словно воды в рот набравшую, и завершил пламенную речь трогательным предложением:

– А может, дорогая, ты все же передумаешь, и мы сохраним нашу семью? Я тебя уверяю: наше материальное положение постепенно наладится. Мы снова заживем обеспеченно и счастливо, – изгалялся изо всех сил Сергей, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. – Ты подумай хорошенько. Я буду работать, и лет этак, глядишь, через десять мы снова заживем богаченько, как ты к этому уже успела привыкнуть.

– Нет! Никогда!

Вере казалось, что она видит какой-то страшный сон. Но стоит ей только проснуться, весь этот ужас исчезнет, она снова вздохнет свободно. Вера прижала руки к груди, чувствуя, что ей не хватает воздуха и она вот-вот свалится в обморок прямо здесь, на истоптанный пол здания правосудия.

– Ваша честь, прошу вас удовлетворить мой иск и развести нас. Я и дня не намерена жить с этим человеком. Дети останутся со мной, так как по закону их матерью являюсь я, а он для них – как был чужим, таким и остался. Я одна удочерила девочек. Сергей от удочерения отказался, поэтому не имеет к ним никакого отношения.

– Имел на то полное право. И теперь осознаю, что поступил правильно. Потому что с женой можно развестись, а вот с детьми всегда какие-то сложности, которые мне совсем ни к чему.

– А где же вы жить собрались? И на какие средства? – спросила судья, с усмешкой глядя на женщину, которая собственными руками разрушает свою личную жизнь.

Не перевелись еще дуры на свете, а потому Алла всегда будет с прибылью.

– Пока я живу в нашей квартире. Благо что она не приватизирована, а потому и отобрать у меня ее никто не сможет, как это сделали с домом. Мы получили квартиру на всю семью, включая и мою мать, и детей. А деньги у меня есть.

– Вот, ваша честь, она и денег скопила, пока жила со мной. Ну что ж, раз ей так не терпится пожить без моей опеки, я не против развода. Только ты не забывай, дорогая, что в квартире зарегистрированы также мой сын с женой и их трое детей.

– Но я никогда не давала согласия на их регистрацию!

– Ты просто забыла. Это я к тому, что даже если ты и соберешься приватизировать квартиру, тебе и твоим родственникам достанется только малая ее часть.

Никонова имела полное право в любой момент прекратить перепалку между пока еще супругами, но она считала себя не только судьей, но и обычной обывательницей, для которой чужая жизнь представляла своеобразный интерес, особенно ее темная сторона. Поразительно, на какие только ухищрения не идут люди, лишь бы застраховаться от случайностей!

Вера видела, с каким уважением смотрит судья на Сергея – словно на героя, пытающегося спасти честь и достоинство своей семьи, и с легким пренебрежением, осуждающе – на нее, непутевую и избалованную любящим мужем бабенку, разрушающую на корню собственное счастье.

Судья Никонова зачитала заранее подготовленное решение: иск о разводе удовлетворить, в иске о разделе совместно нажитого имущества – отказать.

Вера почувствовала, как ее с головой накрывает волна безысходности, лишая способности мыслить, хоть как-то реагировать на происходящее. Раздавлена несправедностью закона, опустошена и духовно выпотрошена, унижена и уничтожена.

Ничего от нее не осталось. Лишь пустая оболочка, жалкая, обессиленная и ноющая, не только от душевной, но и от физической боли. Думать нет желания, двигаться нет сил, плакать нет слез: высохли от тупой обреченности.

Несправедливость, голая без прикрас, отвратительная по сути своей, больно отхлестала ее по щекам, горящим теперь как от физических шлепков. А удары по лицу унижительнее и всегда гораздо болезненнее как для души, так и для тела.

Они остаются с тобой на всю оставшуюся жизнь, порождая всевозможные фобии, начиная с неуверенности в себе и кончая стойкой нелюбовью, даже ненавистью. Так как если не получается поквитаться с обидчиком и наказать его, то человек обращает свой взор на самое слабое звено – себя самого. Вот уж где можно разгуляться: сам себе палач, сам себе и жертва.

Вера с трудом добралась до квартиры, вымученно улыбнулась матери и детям, не желая признаваться в свалившемся на их головы несчастье, и уединилась в своей комнате с уверенностью, что весь мир ополчился против нее. Где ты, справедливость – синоним правосудия?

Зоя Васильевна даже расспрашивать дочь ни о чем не стала. И так ясно: дело проиграно. «Неужели с тех, кому много дано, и спросить-то некому?» – думала она о несправедном судье, пустившем их семью по миру.

Глава 2. Дачный вопрос, оставшийся без ответа

То, что знают двое, рано или поздно узнает любая собака. Поэтому Алле следует быть крайне осторожной. Она почувствовала, как засосало под ложечкой, к горлу подступила тошнота. И так каждый раз, когда она начинала думать о Максе.

Но это же просто смехотворно! Тогда почему ей самой не до смеха? Еще немного, и Алла лишится работы, репутации, даже мечты, осуществление которой невозможно без судейской мантии, прикрывающей ее словно щитом, в то время как она размахивает мечом правосудия налево и направо, собирая дань с тех, кого защищает. Замкнутый круг какой-то.

А ведь совсем недавно все было так реально, осуществимо и рукой подать до нарисованного ею на берегу Средиземноморья безоблачного счастья. Это же надо до такого додуматься: бывший возлюбленный пытается перечеркнуть все мечты и достижения Аллы, ставит ей палки в колеса мчащейся ввысь карьеры!

Может, бывший и должен поступать именно так, и никак иначе? Как бы там ни было, а прошлое давно быльем поросло, и у каждого из них теперь своя дорога, да и сами они изменились, как поменялись их взгляды на жизнь.

Хотя нет. Как раз взгляды-то и остались прежними.

Алла как мечтала со студенческих лет о богатстве и независимости, так до сих пор и шагает вверх по карьерной лестнице, пытаясь переступить через ступеньку и не теряя из виду маячащие на горизонте материальные радости жизни. Она сметает на своем пути мешающих, слишком медлительных или тех, у кого голова забита размытыми понятиями, существующими только умозрительно, – честью, порядочностью, совестью.

Это всего лишь чьи-то застарелые комплексы. А уж о добре-зле и вовсе не приходится говорить. Все в мире относительно и зависит от колокольни, с которой судит каждый. В этой жизни выживает лишь сильнейший.

Вот только Макс так не думает. И на судебных процессах постоянно использует в своем лексиконе эти затертые до дыр понятия. Неужели он не понимает, что на практике в каждом конкретном случае именно судье предоставлено право решать, являются ли рассматриваемые сведения порочащими честь и достоинство участников процесса, и что именно понимать под определением «честь» и «достоинство»?

Однако он упорно апеллирует этими понятиями, словно жонглер на арене цирка, находя статьи в законодательстве и подводя прочный фундамент под доказательную базу невиновности своих подопечных.

И чего его принесло в их глухомань? Жила себе Алла спокойно, засуживала кого надо или отпускала на все четыре стороны, когда у оппонентов находились весомые аргументы в виде денежных знаков. Так нет же: свалился на голову, как ком с бугра!

В Москве ему, видите ли, не жилось, приехал тут порядки столичные наводить. И все сразу пошло наперекосяк. В суд из края уже несколько Аллиных дел вернули на пересмотр из-за жалоб и апелляций Перепёлкина, поэтому неудивительно, что она всерьез опасается за свою репутацию.

Макс так и не изменил своих взглядов на жизнь. Как был фантазером, мечтающим о справедливости исключительно для всех, так им и остался. Дожил почти до сорока, а ума так и не нажил. Хорошо, что они тогда расстались. Если уж по молодости не смогли найти общего языка, то теперь и подавно не найдут, так как стали врагами.

Хотя Макс совсем не считает Аллу своим врагом, и это ее бесит больше всего. Поскольку, даже не предполагая, что она берет взятки, – вот пентюх, по себе судит! – пытается ей сочувствовать, намекая на ее «махровый непрофессионализм».

При последней встрече так прямо и заявил: «Может, Алусик, тебе лучше уйти по-хорошему? Ведь твои ошибки видны невооруженным глазом даже простому смертному. Пойми: мы тут судьбы человеческие решаем, а не в бирюльки играем. Вот потешила эго, покрасовалась в судейском кресле, пофорсила в судейской мантии, с тебя и будет. Даже представить страшно, сколько людей уже пострадало из-за твоего непрофессионализма. Найди себе занятие по способностям. Может, ко мне в помощники пойдешь? Хоть людей научишься уважать».

Алла тогда с трудом сдержалась, чтобы не нагрубить, промолчала. А про себя подумала, что им двоим в этом городе ни за что не ужиться: или он, или она. И останется именно она.

Макс, хоть и родился здесь, все равно за десять лет превратился в пришлого, чужого, да еще из столицы. Понаехали тут всякие, теперь будут нас уму-разуму учить – кому это понравится? А вот Алла своя, опутана по рукам и ногам полезными связями и входит в число негласных правителей коррумпированной клоаки.

Отвратительно, конечно, звучит, но перед собой-то она притворяться не станет. Потому что прекрасно понимает: вывалилась в грязи дальше некуда, и отступать уже поздно. Да она и не собирается, так как знает, за что рискует.

Ее провалы в последнее время стали так очевидны, что она уже получила от руководителя клоаки серьезное предложение помощи в избавлении от неугодного адвоката, подрывающего авторитет уважаемого судьи. Но Алла хорошо знает, чем может обернуться подобная помощь, а потому даже слышать о ней не хочет, обещая, что уладит дело сама.

Ведь стоит только согласиться, ее разговор и само действие по устранению Макса будут зафиксированы, сняты на пленку. И с этих пор повиснут над ней дамкловым мечом, а на мечтах можно ставить жирный крест, так как Алла себе принадлежать отныне не будет.

Какая уж тут свобода! Нет, с этими головорезами лучше не связываться. Взятки – это одно, а вот заказное убийство совсем не входит в ее планы. Здесь следует надеяться только на себя.

Как совершить преступление и не попасться – об этом мечтает любой потенциальный преступник. Однако если учесть, что идеальных преступлений не бывает, то рано или поздно Аллу все равно разоблачат.

Не факт! Уж кому, как не ей, знать, что раскрываются не все преступления. Но даже если у нее получится идеальное убийство, сможет ли она потом жить с этим? Не станет ли протестовать ее душа, которая, пытаясь избавиться от столь тяжелого груза, вынуждена будет всю оставшуюся жизнь терзать Аллу? До тех пор, пока та не сдастся и не явится с повинной?

Об этом даже подумать страшно, так как судья в тюрьме – нонсенс!

Алла чувствовала, что заболевает от преступных мыслей. Неужели нет другого выхода, неужели только физическое устранение способно остановить Макса? Видимо, да, так как он, похоже, не боится ничего и никого. Вот что значит пожить какое-то время в столице – уже кажется, весь мир у твоих ног и по плечу любое дело, в котором ты станешь победителем.

Или это просто пренебрежительное и высокомерное отношение к отсталой провинции, в которой нет и в принципе не может быть профессионалов?

Она тоже после института могла зацепиться в столице, но о том, чтобы пробраться в судьи там, не могло быть и речи без соответствующей поддержки. Поэтому решила вернуться в родной город: где родился, там и пригодился. И у нее получилось...

Если бы не этот столичный хлыщ, пытающийся превратить Аллу в пыль под своими башмаками от «Гуччи».

«Так что, Макс, не обессудь, если мне тебя придется смести со своего пути, словно неодолимую преграду. Ничего личного, всего лишь желание и дальше служить людям. Избранным, конечно, а не всем подряд. Тем, кто умеет быть благодарными, – размышляла Алла. – Вот только как к тебе подступиться, ведь ты совершенно неуправляемый и себе на уме? Что ж, на то и шука, чтобы карась не дремал. Женщина всегда перехитрит мужчину. На то она и женщина».

Это только поначалу страшно думать об убийстве. Но человек – существо, быстро привыкающее к чему угодно, даже к мысли о преступлении. А со своей совестью Алла как-нибудь договорится. Пока же следует быть особенно осторожной с Максом и постараться держать его подальше от своих судебных дел и поближе к себе.

Алла набрала номер.

– Макс? Добрый вечер! – произнесла она медовым голосом. – Чем занимаешься?

– Привет! Жду, когда ты мне позвонишь.

– Слушай, ты не мог бы меня выручить? – Алла изо всех сил сдержала раздражение по поводу его иронии. – Я с работы сразу на дачу приехала, а теперь чувствую, что мне нездоровится. Наверное, где-то просквозило. Температура высокая, горло болит. Может, по старой памяти будешь другом – привезешь мне аспирин? Что-то я совсем расклеилась. Извини, что беспокою, но почему-то ни до кого больше не могу дозвониться. Пятница, все куда-то поразбежались-поразъехали.

Ей казалось, что она слышит в трубке скрип его работающих в полную силу мозгов, оценивающих щекотливую для него ситуацию. Неужели обдумывает уважительную причину для отказа? «Ну же, Макс, это на тебя совсем не похоже! Ты же джентльмен и не оставишь женщину в беде».

– Хорошо, – сдался Макс без боя. – Может, еще что привезти, раз уж я все равно к тебе еду?

– О да! Ты меня ужасно выручишь, если купишь продукты. Оказывается, здесь у меня в холодильнике шаром покати. Представляешь, только одна бутылка вина.

– Представляю. Ладно, жди. Не умирай пока.

Какой же у него солдафонский юмор! Алла раздраженно положила трубку на рычаг и отправилась в кухню. Открыла дверцу битком набитого продуктами холодильника и улыбнулась: очень надо голодом себя морить! В жизни так мало настоящих радостей, и одна из них – вкусно и с удовольствием поесть.

Но торопиться с этими доступными удовольствиями она не станет, так как на переполненный желудок и думается плохо, и лень такая, что уже ничего не хочется. Алла съела бутерброд с красной икрой и кусок торта. Пожалуй, пока с нее довольно. Сначала дело.

Она прошла в гостиную и села в кресло, запрокинув ногу на ногу, отчего полы длинного шелкового халата разошлись, оголяя полные круглые колени.

Интересно, у него хоть какие-то чувства к ней остались? Неужели совсем нигде не екает при виде белоснежного, нежного и пока еще упругого тела? Что за фантазии! Неужели она решила соблазнить Макса?

Сплошные вопросы, и ни одного ответа. И что она с ним собирается делать – уложить в постель? А если у него этого и в мыслях не будет, в каком же она положении окажется! Аллу даже в пот бросило. Она не любила находиться в смешной ситуации.

Поднявшись в гардеробную, переделалась. Розовый спортивный костюм, пожалуй, больше подойдет к роли приболевшей сотрудницы, чем излишне откровенный наряд. Вернулась в гостиную и снова принялась строить планы на предстоящий вечер.

Для начала его нужно опоить снотворным, а там, когда он окажется в полной ее власти, можно будет и дальше подумать. Во всяком случае, какое-то время на возможное отступление Алла себе предоставляет. Но если поймет, что все идет гладко, то, возможно, решится и на более серьезные действия.

А если Макс вино пить не станет? У него и уважительная причина для этого есть – он за рулем. Подобные занудливые крючкотворы правил не нарушают в принципе. Хорошо, но от кофе ему все равно не отвертеться.

Алла размельчила упаковку таблеток сильнодействующего снотворного и высыпала образовавшийся порошок в банку с молотым кофе, которого на доньшке. Зачем-то понюхала, затем плотно закрыла и потрясла, перемешивая содержимое, снова вернула на полку.

Сама же она от вина ни в коем случае не откажется. Ее и в самом деле что-то знобит. Неужели от волнения? И чего Алла так боится? Ведь она же не собирается делать что-то ужасное, просто усыпит его.

Открыв бутылку, наполнила высокий хрустальный фужер и сделала глоток. Почувствовала, как по телу разлилось благодатное тепло, принося покой и умиротворение.

Может, не стоит ничего предпринимать? К такому важному делу готовятся задолго, заранее, взвешивая и обдумывая каждый шаг. Да, несомненно. Но так поступают мужчины. А она женщина, которая боится всего на свете, поэтому долго вынашивать в голове преступные планы не в состоянии. Чтобы заранее не надорваться. Уж лучше экспромтом, да и то, если получится. Если нет – всегда можно пойти на попятную.

Так она и поступит. Только проверит, удастся ли хотя бы отключить его.

Раздался мелодичный сигнал клаксона. Алла взглянула на экран домофона с видеонаблюдением. Узнав «Мерседес» – подобный необычный окрас авто она видела в их провинциальном городке только у Макса, – прошла в просторную кухню, где за тяжелой портьерой скрывалась потайная кнопка открытия ворот.

Дождавшись, пока машина въедет во двор, снова нажала кнопку, закрывая ворота, и поспешила на крыльцо встречать долгожданного гостя.

– А заезжать-то мне зачем? – спросил Макс, выходя из роскошного внедорожника и вытаскивая многочисленные пакеты с продуктами. – Надо было только калитку открыть. Я бы и пешком мог до дома пройтись. Все равно только на минутку.

– Твою машину не то что за минутку, за секунду разденут и разуют, а я потом буду виновата? Нет уж, так вернее. Здесь у нас хоть и приличные люди живут, – подошла Алла, внимательно разглядывая машину непривычного для легковушек матового цвета хаки, с затемненными окнами и более темной крышей, создающими удачный оригинальный контраст основному оттенку, но добавляющими агрессивности, – да и охрана есть. Только она в основном возле шлагбаума толчется. Лишь иногда проезжает мимо с контрольной проверкой. Красивая у тебя машина. Даже очень. Однако у меня она невольно ассоциируется с военной техникой.

– Согласен, цвет сложный. Но самый оригинальный и лучший для сильной половины человечества.

– Никак в войнушку не наиграешься?

– Охотой увлекся, вот и приходится маскироваться. Ты зачем вышла с температурой? – Макс прошел в дом, затем за Аллой в кухню. – Сама разберешь или помочь? – Он принялся раскладывать пакеты на круглом столе.

– Сама разберу. И на кого же ты охотишься – на крупную дичь или на мелкую?

– На ту, что в мои сети попадет. А какой она окажется – крупной или мелкой – не столь важно, интересен сам процесс ловли.

Алла ощутила неприятную горечь во рту, в висках забились встревоженные жилки, требуя внимания.

– Аспирин купил? Голова просто раскалывается.

– В первую очередь заехал в аптеку. Вот здесь еще что-то от простуды. – Макс вытащил из кармана пиджака небольшой аптекарский пакетик с лекарствами.

Алла приняла таблетку и направилась в гостиную.

– Ты не возражаешь, если я немного прилягу? А потом что-нибудь приготовлю.

– Я не голоден. Да мне и ехать пора.

– Обидеть хочешь? Такой гордый стал, столичный, что даже с нами, маленькими людьми, и общаться уже не желаешь?

Алла прилегла на диване, укрывшись пледом, Макс устроился в кресле.

– Как поживаешь? – спросила Алла, пристально глядя в бывшего кавалера.

Совсем не изменился: такой же неказистый и щупленький. Хотя нет, немного раздался в плечах и возмужал. Наверное, в спортзал ходит, железо тягает, чтобы выглядеть посолидней. Но все равно с ней, Аллой, смотрелся бы как юноша. Они почти одинакового роста, но при ее привычке всегда ходить на высоких каблуках Макса и вовсе приняли бы за младшего брата.

Нет, не пара они, как ни крути. И хорошо, что когда-то расстались.

– Нормально поживаю, – усмехнулся Макс.

– Мне нужно серьезно с тобой поговорить. Обо мне. У меня такое ощущение, словно я попала в ловушку, из которой самостоятельно не выбраться. Меня заставляют делать то, на что я сама ни за что бы не решилась. Мною вертят, как марионеткой. Так страшно, что я бы и тебе не доверилась, но ты здесь чужой, поэтому они тебя вряд ли успели переманить на свою сторону. Ты единственный, к кому я могу обратиться за помощью.

– И в чем она будет выражаться?

– Я отдам тебе кое-какие документы. И если со мной что случится, ты отправишь их по назначению.

– Все действительно так плохо? А ты не преувеличиваешь опасность?

– Конечно, нет! Неужели я бы стала говорить с тобой о ерунде? – Алла еле сдерживала раздражение.

Макс всегда считал, что у нее слишком развитое воображение. И теперь Алла вынуждена с этим согласиться, поскольку большинство достоинств наверняка дорисовала ему сама. Потом еще и влюбилась без памяти, дура несчастная. А ведь он совсем не тот, за кого она его принимала.

Ох уж это пресловутое женское воображение! Каких только самовлюбленных эгоистов оно не заставляет принимать за эталон мужественности.

– Я так устала сопротивляться, что теперь вынуждена плыть по течению. Но я чувствую, что меня окончательно затягивает на дно. – Алла чувствовала, что вот-вот расплчется от жалости к себе. Она достала из кармана носовой платок, пытаясь промокнуть появившуюся в уголках глаз влагу, чтобы не растеклась тушь. – Мне так страшно, что жить не хочется.

– А если эти документы отослать куда следует, не дожидаясь, пока с тобой разделаются?

– Можно и сразу отослать, тоже вариант. Все равно ведь мне умирать. Так какая разница – позже или раньше? – Алла уже не могла говорить, поток жалости к себе хлынул из глаз, и она зарыдала, уткнувшись в плед.

Несомненно, сила женских слез не знает границ. И нет ни одного мужчины, который остался бы равнодушным к убивающейся от горя особи женского пола, так как в душе каждый и бесстрашный герой, и благородный защитник, и принципиальный суровый воин, не знающий пощады в борьбе за справедливость и честь женщины. Ну кому не польстит, что его принимают за такого вот бесстрашного рыцаря, рыдая ему в жилетку, вернее, кольчугу?

Макс поднялся с кресла, присел на краешек дивана рядом, и Алла оказалась в его объятиях, тая от трогательных воспоминаний.

– А вот плакать не стоит. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

– Они грозилась убить меня, если я откажусь работать на них.

– Давай ты сначала перестанешь волноваться, а потом мы поговорим. Из любого даже самого безвыходного положения есть выход. А пока я что-нибудь приготовлю поесть. Не возражаешь?

– Ну что ты такое говоришь! Как я могу заставлять гостя готовить? Я сама сейчас встану. – Алла перестала плакать, собралась было подняться, но Макс мягко уложил ее на подушки, укрыл пледом.

– Не суетись. С температурой тебе нужно лежать. А пока лежишь и успокаиваешься, я немного похозяйничаю, – распорядился Макс и отправился на кухню.

Алла и не собиралась спорить, затихла, прикрыв глаза: все-таки у нее температура, а больные себя буйно не ведут. Она вдруг почувствовала, как же приятно, когда о тебе кто-то заботится.

Особенно Макс. Он единственный из всех бывших кавалеров мог угодить ей. Чего стоил один лишь взгляд, необыкновенно добрый и проникновенный. Ему даже говорить ничего не нужно, только посмотреть огромными серыми глазами, в которых отражается весь любящий мир, и она уже согласна на все.

Неужели в ней что-то еще теплится по отношению к нему? Ах, Макс, ну почему они расстались! Ведь им было так хорошо вместе.

А Макс в это время с недоумением стоял перед открытым холодильником и соображал, как ему умудриться запихнуть еще и те продукты, что он купил.

«Живет в спешке, – беззлобно думал он. – Куда-то мчится сломя голову, торопится, стремясь урвать от жизни как можно больше, вот и вляпалась. Чего она ждет от будущего, если так поганит настоящее? Неужели надеется, что ей все сойдет с рук?»

Ловко нарезав лук, немного обжарил на сковороде и добавил сочные куски мяса. По кухне распространились ароматные аппетитные запахи готовящейся еды. Посолил-поперчил, сбрызнул красным вином. Еще чуть, и покрытое восхитительной корочкой мясо готово. Немного зелени, и можно звать хозяйку.

– Прошу к столу! – Макс подошел к Алле, которая сладко потягивалась, словно только что проснулась. Он снисходительно улыбнулся на ее притворство. – Пойдем, мясо лучше есть горячим.

Он подал руку, помогая встать, и Алла последовала за ним. Глаза ее заблестели от восторга: на столе букет цветов, две горящие свечи, салат, фрукты, вино и большое блюдо необыкновенно вкусно пахнущего мяса. Сели друг против друга. Макс разлил по фужерам ярко-рубиновый напиток.

– Ты просто чудесник. За что выпьем?

– За нас. И за мир во всем мире.

– Ты это серьезно? Хотя что я спрашиваю, ведь это твой излюбленный тост. Ты совсем не изменился.

– Ты тоже. – Макс приблизил свой фужер, раздался чудный хрустальный перезвон. Он пригубил вино и, оставив фужер, принялся за мясо. – Обычай чокаться возник в те далекие времена, когда в кубки гостей за столом не считалось зазорным и яду подсыпать.

Алла закашлялась. Макс привстал и похлопал ее по спине.

– Ты это к чему?

– Рассказываю об обычае чокаться. Так вот, для того чтобы заверить гостей в своем миролюбии, хозяин не только наливал немного вина сначала в свой кубок и выпивал его, но все гости застолья неоднократно обменивались вином, а затем символически соединяли кубки – чокались. А по старинному франкскому обычаю, чокаясь, нужно было плеснуть несколько капель из своего кубка в кубок сотрапезника. Это служило доказательством того, что содержимое кубков не отравлено.

– Если перевести смысл сказанного, ты опасаясь, что я тебя хочу отравить? Ты меня обижаешь!

– Стоит ли обижаться на столь невинный рассказ об истории традиции? И потом, даже если это и так, то где гарантия, что и у меня нет таких же мыслей?

– Макс! Ты сошел с ума, что ты мелешь!

– Я просто шучу. Потому что ты слишком бурно отреагировала на мой невинный рассказ.

– А я считаю, что неприлично во время еды говорить об отравлениях. Хотя бы из чисто этических соображений.

– Извини. Я учту. Так о чем мы с тобой будем говорить?

– Ни о чем. Сначала спокойно поедим, молча. А уж потом, когда перейдем к десерту, можно будет и о серьезном вспомнить. Ты же, надеюсь, не торопишься?

– Теперь это уже не столь важно. Я обещал тебе помочь. Кстати, почему ты до сих пор не замужем?

– Такого, как ты, больше не встретила. А почему не женат ты?

– По той же самой причине: трудно отыскать подобную тебе.

Алла стиснула зубы, пытаясь не реагировать на его реплику.

– Зачем ты вернулся? Тебе плохо было в Москве?

– Как только уговорю маму уехать, ни дня здесь не задержусь. – Алла невольно вздохнула, что не укрылось от внимания Макса. – Ждете не дождетесь, пока я отсюда уберусь?

– Я не понимаю. Ты о ком?

– Обо всей вашей развеселой компании, которой я очень мешаю. Так вот, передай своему боссу, что я до тех пор не уеду отсюда, пока не разворошу ваше осиное гнездо. Знаешь, как Пушкин Александр Сергеевич писал о вашем брате? «Закон не должен быть пужалом из тряпицы, на коем, наконец, уже садятся птицы». И я с ним согласен. Тебе никогда не приходило в голову, что творящееся вокруг происходит в полном соответствии с третьим законом Ньютона: всякое действие вызывает противодействие, равное по величине и обратное по направлению?

– Макс, ты даже представить себе не можешь, с кем собираешься бороться. Они же убьют тебя! Ты не можешь противостоять целой организации. Ведешь себя словно мальчишка, который решил поиграть в супермена. Это не игра. Они же раздавят тебя как букашку. Подумай о матери. На кого ты ее собрался оставить? Тебе лучше уехать от греха подальше и забрать матушку с собой. Того, что здесь творится, не остановить никому. Я думала попросить помощи у тебя, но, похоже, тебе она самому скоро понадобится. Что-то мне даже плохо стало. Может, сварить кофе сам? В шкафу на полках найдешь. А я пойду прилягу. Ты напугал меня до смерти, даже голова закружилась.

Алла доплелась до гостиной и улеглась на диван.

Сейчас все должно свершиться! Она не станет искушать судьбу, поторапливать ее. Пусть как идет, так и продолжает идти. Она теперь даже пальчиком лишний раз не пошевелит. За нее решает провидение, и она ему подчинится.

Макс принес на подносе кофейник и две чашки.

– Тебе налить?

– Чуть позже. Отдохну немного.

– А я выпью. – Макс с удовольствием сделал глоток черного обжигающего напитка. – Вкусный у тебя кофе. Дорогой.

– Я дешевый не пью. Это мой любимый.

– Помню-помню. Так тебе налить?

– Пусть немного остынет. Я не люблю очень горячий.

– Ну, как знаешь. А я еще чашечку выпью.

Алла чувствовала, как трепещут от волнения ноздри, но ничего не могла с собой поделать. Голова слегка кружилась. Неужели от предчувствия? Или Алла и в самом деле заболела? Нет, конечно, просто нервишки пошаливают. Может, следовало выпроводить Макса, чтобы он по дороге заснул за рулем и врезался во что-нибудь?

Так еще не факт, что врежется и погибнет. А если живым останется, то догадается, чьих рук это дело. Нет, пусть лучше это случится здесь, в ее доме. Всегда можно переиграть, если она передумает идти до конца.

Как же страшно-то! Сердце словно пытается вывалиться из груди.

– Ты почему такая бледная?

– Плохо мне что-то. Головокружение, слабость. Принесешь мне градусник? Там, в кухне, я его на столе оставила.

Алла в ожидании опустила голову на подушку: допритворялась до того, что и в самом деле заболела. Неужели просквозило в кабинете? Не должно бы, ведь на улице почти лето. И куда там Макс запропастился с градусником? Найти, что ли, не может? Вечно эти мужики такие безрукие. Нехотя поднялась и отправилась в кухню, но на пороге стала как вкопанная: Макс без движения лежал на полу, раскинув руки.

– Макс! – кинулась к нему Алла. – Макс! Что с тобой? Очнись же!

Она потрясла его за плечи, но тот даже не шелохнулся: глаза плотно закрыты, из уголка приоткрытого рта стекает тонкая струйка крови.

Алла в ужасе отскочила: кровь-то откуда? Нет, это уж слишком! Она до ужаса боялась одного только ее вида, а тут еще и труп в придачу. Почувствовав, как к горлу подкатил ком, помчалась в ванную. Опустошив содержимое желудка и напившись прямо из-под крана, присела на край ванны.

Неужели у него были проблемы с желудком, то-то он такой худой. А может, с печенью или с легкими? Да какая теперь разница, делать-то что? Умер он или еще жив? Что же она натворила!

Вернувшись, на цыпочках приблизилась к телу. Макс по-прежнему лежал без движения, в той же позе. Алла наклонилась и попыталась нащупать пульс на шее. Ей показалось, что под пальцами бьется еле ощутимая жилка: значит, жив!

Надо немедленно вызвать «Скорую», его еще можно спасти... И что она скажет врачам? Что пыталась убить человека, а потом передумала и вызвала их? Бред! Теперь ей придется идти до конца. А что это значит?

Добить Макса – и концы в воду. В какую еще воду! Тогда в землю. А лучше погрузить тело в его же машину, вывезти в лес и поджечь вместе с трупом. А как возвращаться обратно – пешком по лесной дороге? Нет уж!

Однако инстинкт самосохранения гнул свое, атакуя виски невыносимой болью: от тела нужно избавиться, немедленно! Ну, хорошо-хорошо, она согласна. А если он сейчас очнется? И поймет, в чем дело? Надо что-то решать. Главное – не видеть его лица и крови.

До Аллы вдруг дошла страшная правда: она собирается убить человека! Руки тряслись, как у дряхлой старушонки, ноги не желали двигаться. Но страх разоблачения, который сильнее страха убийства, уже толкал в спину.

Превозмогая ужас, Алла сбегала в гардеробную за ремнем от брюк, прихватила наволочку. Став на колени, накинула наволочку на голову Макса, чтобы не видеть его лица, но вдруг опомнилась: это же улика, указывающая на нее! Даже мурашки по коже побежали.

Нет, лучше использовать черный плотный пакет для мусора. Натянув его на голову Макса и накинув ремень на шею, с силой сдавила горло.

Внезапно рука тела ухватила ее за запястье. Алла вскрикнула и, высвободившись, сломя голову кинулась к выходу, сшибая на пути стулья и горшки с цветами. Но тело уже крепко держало ее за ногу.

Она рванулась, как безумная, выскочила в коридор и, перепрыгивая через ступени, ринулась вверх по лестнице, словно за ней гналась свора собак, а вернее, очнувшийся от беспамятства Макс. Споткнувшись, рухнула на колени, больно ударившись лбом о ребро ступени, и покатила вниз, теряя сознание.

Неизвестно, сколько она так пролежала, а, придя в себя, оказалась в гнетущей тишине и полной темноте. Свет они не включали, так как на улице было еще светло, а две романтические свечи на столе в кухне успели догореть.

Алла с трудом поднялась, преодолевая боль во всем теле, и направилась в ванную комнату, зажигая по пути люстры. Кровавая рана на лбу, отразившаяся в зеркале, оптимизма не прибавила. Автоматически стала под душ, стараясь не думать ни о чем. Ледяная вода мгновенно взбудрила сознание, позволив уяснить происходящее.

Укутав голову полотенцем и надев махровый халат, обработала рану, залепила бактерицидным пластырем. Наверх не стала подниматься, легла в гостиной на диване, прислушалась. Мертвая тишина. Лишь где-то по соседству, наверное, дома через три подбрехивал сквозь чуткий сон пес, делая вид, что неусыпно сторожит хозяйское добро.

Чего она ждет? Что сейчас в гостиную войдет оживший Макс? Был бы жив, давно с ней расправился. А раз она цела, значит, что-то не в порядке с ним. Тогда зачем Алла тянет резину? Если что и решать, то срочно, так как завтра понаедут соседи по дачам, да еще с пронырливыми ребятишками, лезущими во все дыры. И соседки у Аллы слишком любопытные и словоохотливые, могут как бы невзначай заглянуть «на огонек». Хочешь не хочешь, а вставать придется.

Алла поднялась на второй этаж, порылась в богатом гардеробе. Темный спортивный костюм как раз кстати. Переодевшись, спустилась в кухню. Тяжелые шторы на окнах лучше задернуть.

Яркий свет хрустальной люстры озарил место преступления. И снова закружилась голова при виде недвижно лежащего тела с протянутой к выходу рукой. Словно Макс так и не оставил надежду ухватить свою обидчицу. Алла наклонилась и осторожно коснулась кисти. Это была рука мертвеца, холодная, со скрюченными пальцами.

Значит, Макс умер. И уже неважно, отчего: то ли благодаря большой дозе снотворного, то ли из-за удушения. С ним покончено, и она должна привыкнуть к этой мысли.

Алла на всякий случай дотронулась до запястья, проверяя пульс, но этого показалось мало. Ослабив удавку на шее, немного приоткрыла лицо трупа и поднесла к посиневшим губам небольшое зеркальце. Все говорило о том, что перед ней покойник.

Внезапно Алле, мельком скользнувшей взглядом по бледному заострившемуся подбородку Макса, на миг почудилось, что перед ней и не он вовсе, а какой-то незнакомец.

Нет, это просто шалят ее нервы, превратившиеся из-за трагических событий в лохмотья. Она прекрасно знает, что умершие никогда не похожи на живых. А когда-то в детстве, во время похорон отца, даже устроила матери истерику, обвиняя ее в том, что та положила в гроб какого-то незнакомого дядьку, чтобы скрыть правду об отце. Смерть наводит свой собственный макияж на лица умерших, до неузнаваемости меняя их и тем самым выражая свое милосердие: ведь так невыносимо тяжело расставаться с близким человеком, а чужой – он и есть чужой.

К тому же Алла наотрез отказывалась принимать реальность, блокируя сознание, невольно стирая те особенности лица Макса, которые хранила память. Так легче мириться с содеянным, если представить, что перед тобой неизвестный, к которому ты не имеешь никакого отношения.

«Это не он, и меня это не касается», – как мантру, мысленно повторяла она. Ей даже удалось немного себя убедить: волнение постепенно улеглось, к ней снова вернулись решительность и уверенность в себе. Да, она делает это для собственного спасения и по-другому поступить не имеет права.

Внезапно гнетущая тишина разбилась вдребезги от телефонного звонка, ворвавшегося в притихший и словно растерявшийся от случившейся беды дом.

Алла с ужасом смотрела на труп, из кармана пиджака которого раздавались трели, напоминающие перезвон колоколов, и, казалось, что он никогда не закончится. Какая-нибудь

романтическая особа непременно бы решила в этот момент, что колокола звонят по ней. Но только не Алла.

Она наклонилась и, пошарив в кармане, вытащила мобильник. Звонила мать Макса. Если не принять меры, она снова будет названивать, а завтра примется за поиски сына. Но это будет завтра, а сегодня – если его матушка, конечно, не окажется умнее, – ей предстоит бессонная ночь.

Телефон снова ожил. «Вот ведь карга старая! – злилась Алла. – Да спи же уже, ночь глубокая на дворе! Сыну почти сорок, а ты его все пасешь, как маленького телка. Не подумала о том, что он может лежать в постели с женщиной? Голову же тоже надо иногда использовать, не только любящее сердце!»

И телефон замолк. Видимо, «карга старая» решила сделать послабление своему велико-возрастному сыночку.

Может, нужно хотя бы СМС-сообщение послать от имени Марка? Ни в коем случае! Тогда будет легко установить место, откуда оно пришло. Даже отключить телефон пока невозможно, чтобы не засветить свой дом.

А если старуха и побежит в полицию из-за того, что ее сыночек не пришел ночевать и вовремя не отзвонился, то только утром. К тому же Алла прекрасно знает, как к этому отнесется полиция. Так что у нее есть хотя бы время до обеда, чтобы избавиться от телефона.

Порывшись в карманах, нашла паспорт Макса, банковскую карту, кожаный портмоне, связку ключей, видимо, от квартиры и гаража, сняла с руки дорожные часы. А где же ключи от машины? Наверное, оставил в зажигании, чтобы сразу же уехать.

Что-то Алла все-таки не довела до ума. Ну, конечно же, нужен контрольный выстрел в голову, чтобы наверняка убедиться, что человек мертв! Так делают все киллеры. Наверное.

Она поднялась в спальню и достала из сейфа служебное оружие. Прежде ей стрелять в кого-то не приходилось. Не было надобности. Теперь надобность появилась. Алла вытащила из кобуры пистолет. Холодная сталь словно обожгла руки, и она засунула его обратно.

Откуда этот страх? Стрелять-то надо в уже мертвое тело. Если ужас берет сейчас, то как она собиралась палить в живого человека, если бы появилась нужда? Вот и следует потренироваться на трупе, пока есть возможность. Снова достала пистолет, сняла с предохранителя, взвела курок и направилась к телу. Ей казалось, что она что-то делает не так. Но сил не оставалось даже на выстрел, а не то что на разборку всевозможных правил пользования пистолетом.

Держа в вытянутой руке оружие и цепляясь другой за перила, осторожно сошла вниз, опасаясь споткнуться, упасть и случайно пристрелить себя. После удачного спуска осталось только поднести пистолет к голове трупа и выстрелить. Но как решиться?

По щекам потекли непрощенные слезы, заливая глаза и размывая видимость. Опустившись перед трупом на колени, ослабила ремень, на мгновение приоткрыла бледное осунувшееся лицо и тут же уперла дуло пистолета в лоб между глаз. Отвернувшись, зажмурилась и нажала на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал так громко, что Алла выронила пистолет и опрометью кинулась наверх, в спальню. Упав на кровать, наконец дала волю слезам. Ее трясло словно в лихорадке, и она поняла, что если не примет меры, сердце ее не выдержит.

Достав из прикроватной тумбы таблетки, запихала несколько в рот и, давясь, запила водой. «Чтоб еще хоть раз... Чтоб еще когда-нибудь...» – вертелись в мозгу обрывки фраз, которые она не решалась закончить, и так все предельно ясно.

Постепенно пришло спокойствие и даже какое-то равнодушие. Алла словно задачу какую-то решала, но уже без эмоций и волнений. Потому что самое главное позади. Осталась ничтожная малость – избавиться от трупа, и она свободна. Вернее, пока свободна.

А вот когда тело исчезнет из ее дома навсегда, на первый план выйдут другие проблемы: как не попасться на какой-нибудь мелочи и как благополучно уйти от наказания. Но эти вопросы она будет решать по мере возникновения.

Алла открыла дверь черного хода и завезла в кухню тележку для мусора, которой пользовался садовник, приходивший к ней по средам. Придется его теперь рассчитать. Сняв с шеи ремень и закрепив, чтобы не сваливался, пакет на голове Макса скотчем, погрузила тело в тележку и покатила ее к выходу.

Сначала в дверной проем высунула голову, огляделась. Ночь вполне себе лунная, поэтому никаких трудностей с видимостью не возникнет.

Вышла на крыльцо и глубоко вздохнула, прикрыв глаза: хорошо-то как! А когда открыла, так и замерла на месте, не в силах перевести дух: машина Макса исчезла! Алла почувствовала, как страх ледяной змейкой ринулся вверх по позвоночнику.

Немного придя в себя, подошла к воротам: заперты. Как же так? Машину никак не могли угнать, не проникнув предварительно в дом и не нажав на нужную кнопку. Но кто мог к ней пробраться, пока Алла находилась в беспамятстве? Значит, этот кто-то видел и труп!

Еле переставляя непослушные немеющие от ужаса ноги, доплелась до порога, еще раз оглядела залитый лунным светом пустой двор, словно не веря собственным глазам, и зашла в дом. Закрылась на все запоры и без сил рухнула на диван в гостиной.

Неужели все ее чудовищные старания и страхи напрасны? Ну уж нет! Аллу так просто сломить не удастся никому. Не на ту напали, не ту для запугивания выбрали. Теперь ее сможет выручить только злость, которой ей не занимать и которая не раз вытаскивала Аллу из, казалось бы, самых безвыходных ситуаций. Именно злость – тот самый спасительный допинг, с которым ничто не сравнится по силе, лучшее лекарство от страха, необыкновенно действенное психическое оружие от любого нападения.

А пока на Аллу никто открыто не нападает, она продолжит свои старания по спасению себя, любимой, от надвигающейся в виде неизвестности беды.

Выкатив тележку через черный ход, добралась в конце участка до сарая, где хранится садовый инвентарь, и завезла тело внутрь. Оставлять его в доме было бы величайшей глупостью. Сна бы она наверняка лишилась. Но главное не это. Теперь, даже если недоброжелатели и попытаются обвинить Аллу в убийстве, она уверенно может сказать, что тело ей подкинули, чтобы дискредитировать ее незапятнанную репутацию праведного судьи. И кому тогда поверят? Конечно же, ей!

Заперев сарай на ключ, вернулась в дом, тщательно вымыла полы на первом этаже, посуду, избавилась от остатков отравленного кофе, снимала с себя все до нитки и кинула в стиральную машину, не забыв про ремень. Стоя под душем, перебрала в памяти все, что случилось. Отныне никому не удастся доказать, что Макс в ее доме был. Да, заезжал ненадолго, чтобы передать лекарство, и тут же уехал.

Как никто другой, Алла знала все способы избавления от улик, главных свидетелей преступления. А со всем остальным она разберется завтра. Время пока на ее стороне. Даже если и есть свидетель произошедшего, то он пока сидит тихенько в свое норке и ждет своего звездного часа, чтобы потребовать выкуп за невольные знания.

Только так, и никак иначе. Потому что Алла не верит в бессребреников, ратующих за правду, которая обычно никому не нужна. Ее враг очень умен и хитер, потому и не бросился в полицию с ошеломляющей вестью об убийстве: знает, гаденыш, против кого затеял свою опасную игру.

И все-таки кто же он? Что ему известно о произошедшем здесь? И надолго ли этот немой дачный вопрос останется без ответа?

Глава 3. Страсти с покойником

Весеннее солнечное утро пытается сквозь плотно закрытые тяжелые шторы проникнуть в гостиную, но Алле не до общедоступных радостей, так как теперь жизнь ее словно разделилась надвое.

Еще вчера она могла позволить себе впустить в свою действительность и беспечный птичий гомон, и ленивые мысли о предстоящем отпуске, даже покапризничать по поводу и без повода. Теперь же все кажется призрачным, нереальным, безумно дорогим и ушедшим навсегда.

Если в прошлой жизни она иногда сомневалась в том, что действительно счастлива, здесь и сейчас, то теперь Алла твердо знает, что перечеркнула свою радостную, счастливую и свободную жизнь навсегда. Да еще этот странный сон...

Она видит себя на собственной белоснежной яхте в ярко-звездном сверкающем платье и красной шляпе. Выглядит Алла сногсшибательно: похудевшая и постройневшая, похорошевшая и загорелая, спокойная и счастливая. Она смотрит на берег с пальмами, среди которых расположилась ее удивительно прекрасная вилла, и сама себе завидует.

Но это же чудесно: она богата, здорова, выглядит, как куклолка и вполне довольна своей более чем обеспеченной жизнью!.. Тогда почему у нее, черт возьми, лицо не человеческое, а кукольное?!

Аллу бросило в жар: неужели расплата за содеянное! Что-то уж очень скоро... Вот, дурочка, это же всего-навсего дурной сон, и ничего более! Какая ерунда! Все не так плохо, как кажется.

У нее просто не было иного выбора. Макс рано или поздно испортил бы ей и жизнь, и карьеру – весь тот оплот счастливого и беззаботного будущего, который она воздвигала много лет и на который надеялась, как на единственную возможность стать по-настоящему свободной.

Нет, она не станет раздирать на себе одежду, рвать волосы и посыпать голову пеплом, уподобляясь древним, выражающим крайнюю степень скорби или отчаяния. Но как можно скорее найдет для себя оправдание.

И незачем далеко ходить, если оно уже найдено: Алла защищала себя, свою жизнь, взгляды, мечты. Теперь ей нужно жить с этим дальше. Да, Макс умер, но она-то жива! И у нее нет повода прятаться в скорлупу от всего мира. Решено: долой все мрачные мысли. Жизнь, которая прекрасна и удивительна, продолжается!

А как же сон? Он требует правильного толкования, только и всего. Неужели она, судья, полезет сейчас в компьютер и начнет читать чьи-то бредни?.. Алла села за компьютер. Искала недолго, а найдя, только усмехнулась: было бы из-за чего волноваться.

«Стать куклой, – прочла она, – это опасность потерять недвижимое имущество». Всего-то? Так Алла себе скоро купит другое, гораздо лучше.

Интересно, а что снится Петровой? Ведь теперь у той ни кола ни двора, так как Петров со своими родственниками ее точно из квартиры выживет. А вот у Аллы никто и никогда даже копейки не сможет выцарапать. Не на ту напали.

Так что жизнь продолжается... несмотря на то, что в сарае ее ожидает тело. Но с ним она начнет разбираться, когда стемнеет. Надо еще свою машину из гаража забрать. Алла взглянула на часы: опаздывать в салон красоты лучше не стоит – это ее какое-никакое, а алиби – да и от телефона пора избавляться.

Через двадцать минут такси мчалось ее на приятнейшие омолаживающие процедуры. Выйдя за квартал от салона, она прошла сквозь незнакомый двор и, вытащив из сотового симку

и батарейку, избавилась от улик, покидав их в разные мусорные баки. Вот и все, Макс, теперь ни у кого не появится оснований искать тебя в это время в ее доме.

По субботам Алла не только никого у себя не принимала, но и сама в свет не выезжала. Об этом знали все знакомые, а потому никто не тревожил назойливыми приглашениями в гости или заманчивыми рассказами о пикнике где-нибудь за городом, на природе в веселой и проверенной временем компании равных.

Это время посвящалось любимому телу. Невообразимо чувственный праздник блаженства, после которого Алла словно заново рождалась, избавленная от стрессов, расслабленная и успокоенная, готовая бороться за отстаивание своих прав на счастье и дальше.

Пять часов ею занимались массажисты, косметологи, стилисты и диетологи, снабдили Аллу кучей чудодейственной косметики, нарядами от зарубежных дизайнеров, советами и рецептами на все случаи жизни. Как же мало человеку нужно, чтобы избавиться от дурных мыслей!

Алла возвращалась в загородный дом на своей машине, предвкушая блаженное одиночество и желание делать что только не заблагорассудится: читать, наслаждаться видео, наматывая круги перед холодильником, забитым всевозможными яствами и деликатесами, абсолютно без лживого чувства стыда за лишние наеденные граммы на боках.

Несмотря ни на что, пусть этот день для нее станет праздником тела, праздником живота и праздником души, свободной от угрызений совести. Да-да, она ни в чем себя не винит. Ее вынудили так поступить. Ведь даже законодательством предусмотрено послабление в наказании убийцы, совершившего преступление в состоянии аффекта, да к тому же защищающего свою жизнь. А у нее именно такое состояние, ведь она была смертельно напугана.

Да что Алла себя уговаривает? Любой на ее месте поступил бы так же. И на этом все! Сейчас она посмотрит любимую комедию, и настроение повысится до нормального предела. Случившееся с ней не так страшно, как кажется или как рисует слишком впечатлительное воображение.

Красный «Ниссан» плавно подкатил к воротам, Алла нажала на пульт. Пока ворота открывались, помахала улыбающимся соседям справа, дружелюбно поприветствовала соседей слева – не стоит нарушать привычных традиций, это всегда кому-то может показаться подозрительным – и, как обычно, осторожно въехала на участок задним ходом, запирая ворота.

Выгрузив тяжелые пакеты на скамью, присела в тени под тентом на садовые качели, наслаждаясь великолепной цветочной клумбой перед домом и чудной погодой. Но лень гнала ее прилечь на роскошный диван перед телевизором с большой тарелкой вкусностей на подносе, и Алла поднялась.

Занеся в дом покупки, заперлась на все замки и защелки. Теперь она в полной безопасности. Никто не сможет проникнуть в ее крепость с надежными запорами. Когда же она отсутствует, дом находится под наблюдением местных охранников, которые на территории поселения даже бездомной собаки не допустят, не то что неизвестных лиц.

Сегодня на дачи понаехала из города куча народу. Пришло время копать, сажать и сеять. Пока Алла ехала вдоль других участков, пришлось кивать через открытое окно всем подряд, здесь у них так принято. Благо рана на лбу под густой челкой почти не видна, а сквозь солнечные очки совсем не разглядеть чуть проступивших синяков под глазами. Свою травму она объяснила в салоне довольно просто: упала с лестницы, с кем не бывает? Даже врать не понадобилось.

Перешагнув порог кухни, Алла в недоумении остановилась: пол перед раскрытым холодильником походил на свалку отходов, продукты выпотрошены из упаковок и перемешаны в единую отвратительную кучу.

Пакеты выскользнули из ослабевших рук, яблоки и апельсины раскатились по полу. Неужели соседский кот, которого Алла не раз гоняла со своего участка, забрался в дом? Или чья-то собака? Ну да, через дымоходную трубу.

А земли-то кругом понасыпано, словно цветочные горшки перевернули... Ах да, это же она сама их опрокинула, когда в ужасе вырывалась из цепких рук мертвеца. Но Алла точно помнит, что убрала за собой, даже полы как следует вымыла.

Земляные следы привели ее к ванной комнате. Алла открыла дверь и вовсе растерялась. Сам собой возник вопрос: «А кто мылся в моей ванной?» Прямо как в сказке про Машеньку и трех медведей. Только на новый лад.

Алла бессильно опустила на край ванны. И все же случившемуся есть какое-то объяснение, которое она постарается найти. Немного успокоившись, вышла в коридор и обнаружила земляные россыпи, тянущиеся до черного хода. Значит, кто-то пробрался в дом отсюда? Алла подошла к двери и толкнула ее, та оказалась незапертой. Но как такое могло случиться? Ведь она точно помнит, что закрывала дверь изнутри, а потому с внешней стороны в дом попасть невозможно.

Вышла в сад и направилась по бетонной дорожке, – которую ночью тщательно подмела, чтобы скрыть следы от тележки, – за земляным следом, приведшим ее к распахнутому настежь окну сарая. Отперев дверь, с опаской заглянула внутрь: Макс сидел в тележке в той же позе, в которой она его оставила. Вот только башмаки его от «Гуччи» заляпаны грязью.

Алла огляделась и, убедившись, что за ней никто не наблюдает – да и кому наблюдать-то через высокие двухметровые кирпичные заборы, – принялась уничтожать следы, разрыхляя их граблями по сыроватой еще земле и сметая метлой с дорожки.

Закончив уборку, вернулась в дом, закрылась на все запоры. Скинула с себя запачканные наряды, переделалась в простенькое платье, так как ей предстояло снова начисто перемыть весь первый этаж.

Она старалась пока не думать ни о чем, потому что, если начнет размышлять немедленно, сойдет с ума, не в силах объяснить происходящее. Или Аллу хватит удар от страха. Лучше не нагружать ум, а поработать физически, до изнеможения, чтобы даже желания рассуждать не появилось, и уж тем более страха или нервного расстройства.

Непривычная физическая работа настолько умучила ее, что она без сил свалилась на диван. Что теперь? Программу, которую она себе расписала на остаток дня и вечер, реализовать, по всей видимости, не удастся.

Если закрыть глаза на очевидное, проблемы возрастут настолько, что разрешить их будет крайне сложно, а может, и вовсе невозможно. Поэтому то, что случилось вчера и сегодня, она должна уяснить для себя немедленно, пока не поздно.

Или уже поздно? Тогда она оказалась бы за решеткой. Пока же Алла на воле и даже пытается продолжить прежний образ жизни, вкушая физические и чувственные удовольствия, так что возможность поправить дела, которые начинают превращаться в большие проблемы, у нее остается.

Нужно ответить на главные вопросы: кто угнал со двора машину Макса и кто пробрался к ней в дом второй раз, чтобы дать понять Алле, что ему известно об убийстве? Неужели это один и тот же человек? А если нет? Тогда об убийстве знают еще двое.

Но если они до сих пор не сдали Аллу полиции, значит, собираются выдвинуть ей какие-то условия. Вопрос с деньгами уладить проще всего. А если это идейные требования, которые выполнить невозможно? Чуть! Что может быть главнее денег!

Итак, кто мог видеть, что к Алле приехал Макс? Или этот кто-то из числа соседей, или за Максом уже следили. Может, Аллу собирались подстраховать, так как она обещала разобрататься с Максом сама? Если так, ей почти ничего не угрожает, потому что она не только сама

избавилась от помехи, но и избавила других. И все же шантажировать ее будут наверняка. Попытаются обобрать изрядно, чтобы она перестала смотреть в сторону заграницы.

Однако при чем здесь заграница? Алла ни с кем никогда своими тайнами не делилась. Хотя от клоаки вряд ли что возможно скрыть. Им известны даже сны подопечных, а не только кто чем дышит. Алла нужна им здесь. И теперь все заработанные деньги уйдут на откуп от шантажистов, кто бы ими ни оказался.

Может, это все-таки соседи? Хотя вчера, когда она ехала с работы на служебной машине по пустынной улице дачного поселения, не видела ни единого человечка. Большинство появилось только сегодня, во второй половине дня.

Но кто-то же забрался в дом? И накануне вечером, пока она лежала в обмороке, он мог видеть то, что не предназначалось ни для чьих глаз. А если все гораздо проще? Например, обычный среднестатистический вор? У него получилось залезть в дом, который мог оказаться незапертым, так как Алла совсем не помнит, чтобы закрывала двери на засов, когда встречала Макса, ведь предполагалось, что он пробудет недолго и скоро уедет. Но зачем вору забираться в дом, где наверняка присутствуют хозяева, ведь машина же во дворе!

Нет, здесь что-то не так. Вчера вечером в доме был не грабитель. Зачем ему угонять машину с места преступления, ведь он не мог не заметить в кухне труп, когда собирался нажать на кнопку, чтобы открыть ворота?

Если бы не эта злосчастная кнопка, кое-что можно объяснить. Ворота могли открыть и с помощью специального пульта. Но он всегда находится в машине, на которой Алла ездит редко. И еще: совсем незаметную для непосвященных кнопку кто попал не найдет при всем желании. Да и станет ли искать, обнаружив в кухне труп, а хозяйку – в бессознательном состоянии? Чуть!

Значит, этот кто-то хорошо знал, как открываются ворота.

И какой напрашивается вывод? Это был свой. Тот, кто не раз бывал в доме и видел, как она открывает ворота, чтобы запустить машину, а затем и выехать со двора. А кому она последний раз открывала ворота, кроме Макса?

У Аллы даже голова закружилась от предполагаемой догадки. Неужели этот неизвестный, затеявший с ней какие-то свои, понятные только ему и совсем неясные ей, жестокие игры, – Денис?! Ведь именно он месяц назад приезжал к ней и остался на ночь.

Она тогда немного выпила, была чем-то расстроена, а он оказался так кстати: поговорил, подсказал наиболее приемлемый выход из создавшегося положения, успокоил и приголубил. Алле даже на миг показалось, что можно вернуть былую страсть, обещающую перерасти в более серьезные отношения.

Но наутро стало предельно ясно, что пробежавшая между ними любовная искра погасла, оставив обоих в недоумении, от которого они до сих пор не оправались.

Неужели это Денис, увидев машину Макса, вообразил себя обманутым и ревнивым соперником, тайно пробрался в незапертый дом – хотя, впрочем, мог и постучаться, но ответа не получил, – увидел труп, Аллу, потерявшую сознание. И что – решил воспользоваться удобной ситуацией и отогнал куда-то машину Макса? Но зачем?! Не лучше ли было помочь упавшей с лестницы Алле?

А если предположить, что он пытался уничтожить следы пребывания Макса в доме? Тогда получается, что Денис спасал Аллу?

Спасибо, конечно, но к чему эти земляные следы в доме и на дорожке, ведущей к трупу? Напоминание о том, что ему известно об убийстве? Но он и так уже видел труп! Зачем лишний раз напоминать очевидное? И откуда злоумышленнику знать, где она его спрятала?

Алла снова почувствовала головокружение: Денис следил за ней! Она прижала руки к груди, словно защищаясь.

Или это мог быть кто-то другой? Тот, кто оставил земляные следы в доме. Но при чем здесь холодильник с продуктами? Он что же, так оголодал, что поедал продукты прямо возле холодильника?

Если только... кто-то не решил представить дело так, будто это сам Макс восстал из мертвых, превратившись в зомби, вылез через окно из сарая – оно открывалось только изнутри – и, пробравшись в дом, затоптал полы, поел прямо из холодильника, а затем, приняв душ, снова вернулся в тележку!

У Аллы от ужаса даже волосы на голове зашевелились. Или ей только показалось? Нет, она, конечно, смотрит иногда фильмы ужасов, но это же полнейшая чушь! Никогда мертвецы не выходят из своих могил. К чему эти глупые шутки? Она же взрослый человек, и ей чужды даже намеки на какие бы то ни было поверья о ходячих мертвецах и зомби...

Хотя в школах Америки на полном серьезе ввели уроки выживания в случае зомби-апокалипсиса. Теперь ученики знают обо всех разновидностях ходячих мертвецов, их слабых местах и способах борьбы с ними. Или это один из методов заставить детей учиться хоть чему-нибудь? Тогда учителя там большие оригиналы. А если они серьезно! Слава богу, Алла не в Америке...

Значит, там ходячие мертвецы имеют место быть, а у нас нет? Вот именно, у нас – нет! Потому что мы в это не верим! А если не верим, значит, этого на свете не существует. И точка. И хватит пороть чушь.

Она прошла в кухню, порылась в аптечке и выбрала валерьянку и пустырник. Чем проще успокаивающее средство, тем оно действеннее. Может, комедию посмотреть? Нет, никакому смешному фильму не пробить стену страха, которой она себя окружила. Может, бросить все и махнуть в город? А труп очнется и снова начнет гулять по ее дому?

О чем Алла только думает! У нее что-то не так с психикой после этой убийственной ночи. Немедленно прекратить себя пугать! Потому что ничто так не развивает большое воображение, как удручающая реальность. Алле нужно признать, что ее осознанно пытаются запугать.

Общеизвестный факт: если хочешь подчинить себе кого-либо, важно заставить его испытать страх. Сейчас век такой, что страх – самый продаваемый продукт, а также самый покупаемый. Вот некто и намеревается обогатиться на ее панике. Ждет, когда у Аллы сдадут нервы. Но его ожидания напрасны, так как сдаваться она не собирается.

Необходимо немедленно избавиться от трупа. Но так, чтобы никто его больше не смог отыскать. Никогда. Нет тела – нет и доказательств совершенного преступления. Это возможно лишь ночью, а до ночи еще нужно дожить. Пока-то ей чем заняться? Да и жутко одной в доме, зная, что покойник так близко. И все-таки лучше действовать, а не сидеть сиднем в ожидании очередной беды.

Алла набрала номер:

– Денис? Привет! В гости ко мне не собираешься?

– Всегда с удовольствием. Но у тебя же по субботам не приемный день, вот я и решил потерпеть до воскресенья. Чем занимаешься?

– Скупаю потихоньку, чем же еще-то.

– Что-то не похоже. Случайно увидел у тебя во дворе машину Макса. Он что же, в гости к тебе приезжал? Старый друг лучше новых двух?

– Не говори глупости. Ты тоже мой старый друг.

– Только «тоже»?

– Не цепляйся к словам. Просто мне нездоровилось, температура откуда-то появилась, и я попросила Макса привезти аспирин.

– У меня на даче целая аптека. Могла бы и мне позвонить.

– Хорошо, это был только предлог, чтобы встретиться с ним и переговорить. Я же обещала тебе уладить наши дела.

– И как – уладила?

– Если бы! Каждый остался при своем мнении. Так ни о чем и не договорились. Макс обещал подумать над моими словами, и только.

– Что-то не верится, что вы занимались одними лишь разговорами. Я видел, когда он уехал от тебя. Было уже за полночь.

– Ты видел, как он уезжал?! – Алла даже дыхание затаила. «Денис видел отъезжающую машину! С одной стороны, это алиби для меня, если Макса начнут разыскивать. С другой стороны, Денис мог видеть, что за рулем кто-то другой, а не Макс». – Ты что же, ждал, когда Макс уедет? Неужели ревнуешь? Вот и напрасно. Мог бы тогда обратить внимание на его недовольный вид, если мне не веришь. Ему совсем не понравилось, что я его выпроводила.

– Темно было. Я не кот, чтобы видеть в темноте... Так вы что же, поссорились?

– Нет, конечно. Разве с ним можно поссориться? Он всегда спустит любую ссору на тормозах. Просто договорились еще раз встретиться и продолжить начатый разговор. А ты надеялся, что у меня с первого раза получится с ним договориться? Тогда ты плохо знаешь Макса.

– И когда же вы снова встречаетесь?

– Может, завтра. Договорились созвониться. – Алла немного подумала и добавила: – Если он не уедет в срочную командировку. – Сказала и тут же пожалела, так как одна ложь непременно тянет за собой другую.

– Так он собирался в командировку? И куда же?

– Не знаю. Но я поняла так, что в Москву.

– Надо же! Что же это за командировка? У него и там остались клиенты?

– Понятия не имею... Так ты в гости-то ко мне собираешься?

– Можно прийти прямо сейчас? – Денис тут же забыл о Максе.

– Денис, ты же знаешь, я своих традиций не нарушаю. А впрочем... – Алла помолчала, давая ему возможность проглотить крючок как следует: рыбка не должна сорваться.

– Что?! Ты хочешь сказать, что могла бы нарушить традицию?

– Почему бы и нет? Должна же я себе хотя бы иногда делать какие-то маленькие поблажки. Через два часа я тебя жду.

– А почему не сейчас?

– Хочу накормить тебя чем-нибудь вкусненьким, а на готовку нужно время.

– И ты ради меня готова два часа стоять у плиты?! – не поверил Денис. – Тогда проси у меня сегодня все, что угодно, моя королева. Исполню любой твой каприз.

– Вот и договорились. – Алла не сомневалась, что всеми правдами и неправдами выведает у Дениса секреты, которые тот попытается от нее скрыть.

Его дача, двухэтажное строение с мраморными колоннами, находилась через дом на другой стороне улицы дачного поселения, а потому Денис с успехом мог со второго этажа наблюдать, как из ворот ее дачи выезжает машина Макса. А вот разглядеть в темноте лицо водителя вряд ли возможно. Так хорошо это или плохо?

Нет, все же хорошо, так как лучшего алиби того, что Макс уехал от нее живой и здоровый, просто и придумать невозможно. К тому же, как только Алла избавится от тела, будет уже не столь важно, кто сидел за рулем и в какие игры он с ней играет.

У Аллы на все про все совсем немного времени. Но она справится, так как впереди у нее – счастливая жизнь за границей, куда она отправится немедленно после окончания этой жуткой истории. Захватив с собой плотную черную непроницаемую пленку, в которую садовник упаковывал мусор на выброс, пробралась к сараю и огляделась.

Места здесь воистину замечательные и живописные, даже уезжать не хочется. Своего рода маленькая Швейцария с лесистыми взгорьями, кристально чистым и благоуханным воздухом, мягким и благодатным климатом, чудными озерами и родниками, а также веселой речушкой, огибающей городок.

В общем, провинциальный Энск – не что иное, как кусочек рая на земле. А дачное поселение для избранных, то есть очень богатых и влиятельных, охраняемое днем и ночью, – рай в раю. И попасть сюда можно только по специальному разрешению хозяев дач на въезд машин с определенными номерами.

От того, чтобы проверять документы гостей, все дружно отказались, так как в каждой семье нашлись скелеты в шкафах, которые нежелательно выставлять напоказ всему свету. К тому же охранники тоже люди, которые не лишены ни зависти, ни элементарного любопытства, порождающего впоследствии сплетни и пересуды о властях предрержащих. Но, как оказалось, даже и здесь, при неусыпной охране, может случиться все, что угодно. Поэтому лучше обратиться отсюда подобру-поздорову.

Расстелив на дощатом полу сарая пленку, Алла вывалила с тележки тело и, перекатывая с боку на бок, принялась паковать, накрепко обматывая скотчем. Теперь осталось лишь дожждаться ночи и вывезти его с участка в глухое место.

Она постояла над образовавшимся тюком, размышляя и словно прощаясь, затем отправилась в дом готовить изысканный ужин для покорения сердца своего заклятого врага, в чем если и сомневалась, то совсем чуточку.

Приводя себя в порядок и ожидая гостя, Алла все больше склонялась к мысли, что именно Денис отважился вступить с ней в противоборство, забавляясь столь диким способом и подставляя ее под уголовную ответственность. Но для любого преступного действия нужен мотив. А какой мотив у него? Зачем понадобилось Денису, чтобы Аллу осудили?

Наоборот, они очень хорошо дополняют друг друга в общем деле. И если один из них выйдет из игры, другого такого же партнера найти непросто, даже невозможно. Потому что для этого нужны годы совместной работы, а уж о взаимном доверии, которое складывается по крупнякам из больших и маленьких сделок, и речи не может быть.

Однако утвердительно назвать Дениса противником Алла пока не решалась. Вдруг она что-то упустила, не придавала важности какой-то мелочи, которая имела огромное значение? А раз нет полного доверия, то и вести себя с Денисом теперь следует вдвойне осторожнее. Как ни крути, а в постель с ним лечь придется, иначе он что-то заподозрит. И вообще лучше делать вид, что ничего не произошло, и даже более того – не изменится и в дальнейшем. Да и ей так легче не выдать себя.

Итак, все в порядке. Не было никакого убийства, а потому нет и никакого трупа. Тем более что так и будет, как только Алла избавится от тюка в сарае.

Она накрыла на стол в гостиной, поставила две толстые свечи в серебряных подсвечниках. Избавившись от букета Макса – как скоро избавится и от него самого, – разместила в вазах садовые цветы. В высокой – белые и желтые махровые нарциссы с нежными ароматами юности, символом обманчивых надежд, желаний и эгоизма. В двух широких и низких вазах пристроила фиолетово-желтые, оранжевые и бело-синие виолы с утонченным благоуханием грез.

Заслышав звонок, глянула на экран домофона: у калитки, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо топтался счастливый Денис. Не стоит его так долго мучить, и Алла нажала на заветную кнопку, затем с обворожительной улыбкой выпорхнула на крыльцо.

Довольный, обвешенный сумками с продуктами, Денис вошел в дом.

– Вот и я. Надеюсь, накормишь? Голодный как волк.

– Мой руки и садись за стол, волчара. Заслужил.

– А поцелуй?

– Лошадей-то попридержи, шустрый какой.

– Так соскучился же! Может, хватит держать меня на сухом пайке?

– Вот и поешь сначала, куда торопиться-то? Наш чудный вечер впереди.

– И вся ночь.

– Вот именно. Тем более не стоит торопиться. Иначе тебя на всю ночь не хватит.

– Мне нравятся твои аппетиты.

Она усадила гостя на диван перед заставленным всевозможными яствами столом. Пусть ему будет мягко, комфортно и усыпляюще, как в прямом, так и в переносном смысле. Сама устроилась напротив, на стуле. Так ей проще не расслабиться, ведь рядом потенциальный враг, скрывающийся за личиной добропорядочности.

Наблюдая за Денисом, она невольно сравнивала его с Максом. Уж кто-кто, а Денис своего точно не упустит. И не станет заморачиваться с моральной этикой и принципами. Он всегда отделяет свой ум от эмоций, возвращая собственное эго. Для него лишь то хорошо, что приносит прибыль. И чем больше денег, тем меньшее значение имеет система общепринятых убеждений.

Денис считал, что любое правило можно нарушить, любой закон можно обойти. Если знать способы. А он их знал, как никто другой. Законы Денис сравнивал с паутиной, в которую попадают как слабые, так и сильные особи. Слабые рано или поздно запутываются, а вот сильные паутину разрывают и оказываются победителями, то есть на свободе. Поэтому Денис предпочитал сильных клиентов с тяжеловесными кошельками, способных откупиться от любой проблемы.

Ох уж эти привилегии – заклятые враги права!

Нет, у Дениса не может быть причин топить ее. А у самой Аллы? Если он знает об убийстве, конечно, есть. Как определить, опасен для нее Денис или нет?

Ну почему все так сложно! И ни одного друга рядом. Да и о каких друзьях может идти речь, если Алла стремится к власти? Здесь не может быть друзей, только партнеры по общему делу. И редкие любовники, с помощью которых можно добиться даже большего, чем за деньги. Пороки зачастую ценятся дороже сомнительных добродетелей.

Маловероятно, что в постели Денис проговорится, а потому ей следует найти другой способ, чтобы узнать о его намерениях.

Вот уже и ужин заканчивается, и Денис смотрит на Аллу чувственным с поволокой взглядом. В другое время она бы отреагировала на него адекватно, но не теперь.

Денис говорит не умолкая. Ему не нужна собеседница, потому что он, словно самовлюбленный нарцисс, упивается собой, своей значимостью. Алла подвинула к Денису десерт, сдобренный приличной дозой снотворного:

– Ешь, дорогой. Пришло время пошалить.

– Для меня самый лучший десерт – ты.

– Вот и отлично. Но сначала попробуй этот. Чтобы было с чем сравнивать.

И Денис не отказался. Он любил полакомиться вкусненьким. Важно теперь успеть задать хотя бы один вопрос, проясняющий для нее ситуацию. Но какой? Если он вчера уехал на машине Макса, то вернуться сегодня должен был...

– Денис, когда ты последний раз пользовался услугами такси?

– При чем здесь такси? Ну, допустим, вчера и сегодня. Вчера я изрядно выпил. Из-за тебя, между прочим. Поэтому пришлось оставить машину на даче. Сегодня приехал снова на такси. И что с того? Я не понимаю: вместо того чтобы перейти к лирической части вечера...

Денис недоговорил, веки его смежились, и он мирно заснул, привалившись на мягкие диванные подушки.

Алла вздохнула: наверное, она снова переборщила со снотворным. Так это он уехал на машине Макса или не он? Ей ничего не удалось выяснить. Загадка не разрешилась. Вероятность того, что Денис мог быть причастен к неприятным событиям с внедорожником Макса и трупом, осталась.

Тем не менее он теперь не сможет помешать Алле избавиться от тела. Если, конечно, нет еще кого-то, кто сейчас за ней наблюдает.

Уже стемнело, поэтому не стоит терять времени даром. Теперь Денис – ее алиби на этот вечер.

Сменив гламурный наряд на удобный спортивный костюм, Алла подвезла на тележке тюк и затащила его в машину. Открытый багажник не позволит ни специально наблюдающему, ни случайному свидетелю из числа соседей увидеть, чем она загружает свой «Ниссан».

Вот и все: тело в машине, багажник заперт. Остается только проверить, не едет ли кто следом. А если едет? Там будет видно. Гонки, конечно, устраивать она не решится, так как машину водит хуже чем посредственно, но хоть удостоверится, что Денис здесь ни при чем.

Алла погасила в доме свет и замкнула входную дверь. Выехав с участка и закрыв ворота, медленно направилась по неширокой улице дачного поселения, время от времени бросая взгляд в зеркала, чтобы проверить, нет ли «хвоста». Ночная дорога как обычно пуста. Все дачники, насладившись физическим трудом – не столько по надобности, сколько для удовольствия, – уже отдыхали в кругу семьи, оставляя интересы к личной жизни соседей на дневное время.

Остановившись у сторожки, посигналила. Охранник выглянул в окно и, сверив разрешенный для проезда номер, поднял автоматический шлагбаум. Он не мог в темноте разглядеть лица водителя, а потому и не смог бы с уверенностью сказать, кто именно находился за рулем машины Макса накануне.

Алла направилась в противоположную сторону от города. Здесь случайным машинам делать нечего, так как дорога ведет или в дачное поселение, или дальше, в охотничье хозяйство, где чужих не жалуют, поэтому их там не может быть в принципе. Основная же трасса, которой в основном и пользуются местные дачники, проходит за полями, засеянными кукурузой и пшеницей.

Еще пара километров, и впереди показался неширокий мост через реку. Алла въехала на его середину и остановилась. Вышла, оглядываясь и чутко прислушиваясь, но ничего, кроме ночных птиц и шума речки, не услышала. Было бы странно здесь встретить кого-то ночью, если даже днем это место всегда безлюдно.

С трудом вытащив тюк из багажника, перекинула через перила моста и проследила, как тело уносит сильным течением в противоположную от города сторону. Засомневалась: может, стоило привязать к тюку груз, чтобы он сразу пошел ко дну? Нет, пусть его лучше унесет как можно дальше от города, где неопознанным утопленником займутся полицейские другого района: им тут и своих всяков хватает.

Прощай, Макс!

Сев в машину, Алла проехала немного дальше, где за мостом смогла развернуться. Предательские слезы жгли глаза, размывая видимость, и ей стоило большого труда, чтобы держаться середины дороги и не съехать на обочину или и вовсе в кювет.

Она не помнила, как добралась до дома. Еле открыла дверь трясущимися руками и, замкнувшись за все запоры, бросилась в ванную комнату и стала под горячий душ. Вмиг осознала, что еще жива, еще не умерла от ужаса. Алла чувствовала, как отступает бивший ее озноб, возвращая тело на грешную землю. Что до души, так здесь требовались совсем иные меры.

Прямо в халате, с мокрыми волосами прошла в гостиную и села за стол.

Как же она проголодалась! Целый вечер только и делала, что присматривалась к Денису и притворялась, что ест. Убрав со стола тарелки с потравленной снотворным едой, приступила к трапезе. Разогретая в микроволновке свиная корейка, приготовленная днем в духовке под апельсиновым соусом, да еще с картошечкой, была просто великолепна. Затем принялась за осетрину в горшочке, с зеленью и под сметанным соусом, после чего распробовала мясное и рыбное ассорти и всего остального понемногу, что только было выставлено на стол, запивая прекрасным марочным красным вином.

Честно призналась, что аппетитом ее бог не обидел, и тут же простила себя за столь изысканные излишества. Зачем тогда и жить, если нельзя вкусно поесть.

Насытившись, откинулась на спинку стула и уставилась плотоядным взглядом на похрапывающего на диване сном праведника Дениса, словно размышляя: расправиться с ним немедленно или оставить на потом – вдруг пригодится для чего-нибудь.

Вот он, заклятый враг, пытающийся вселить в Аллу тревогу и смятение, чтобы заставить поступать так, как нужно ему. Только у Дениса была возможность и машину Макса угнать – кстати, куда именно? – и заставить труп прогуляться по ее дому, оставляя жуткие следы и наводя на безумные мысли о ходячих мертвецах.

Но планы Дениса рухнули: главного свидетеля убийства – тела – больше нет, словно и не было вовсе. И никто теперь не сможет доказать, что в ее доме произошло убийство, ведь все следы, которые были и которых даже не было, Алла уничтожила. А нет тела – нет и дела. И мертвый Макс теперь уже даже для нее действительно умер.

Глава 4. Как поймать удачу на живца

Сергей так и не успел в суде до конца насладиться своим триумфом и полным поражением глупой женщины, которая посмела бросить его и даже подала на развод, что являлось неслыханным оскорблением. Эта серая мышь, бессловесная и безропотная, всегда довольствующая малым, такая удобная и уютная, живущая ради него.

Первый шаг к неповиновению Вера сделала, вбив себе в голову, что непременно должна удочерить сироток, оставшихся после смерти ее сестры. И тогда Сергей впервые услышал предложение расстаться. Если, конечно, не согласится на то, что дети теперь будут жить с ней, то есть в его доме! Он был крайне возмущен подобным заявлением, считая его шантажом в чистейшем виде. Но и потерять Веру он никак не мог, а потому пошел навстречу. И жена была ему так благодарна, что Сергей и в самом деле считал себя вполне счастливым человеком.

Но все резко изменилось, когда Вера сделала второй шаг к неповиновению, заявив, что беременна и собирается родить ребенка. Как, значит, на первый план должен выйти орущий день и ночь младенец, который совсем отвратит от него жену, перетянув на себя все ее внимание?! Нет, этого он допустить никак не мог. И срочно направился к сыну Виктору держать совет.

Эта его мелкая и гаденькая, как ни крути, привычка жаловаться на жену возникла у него непроизвольно, когда он однажды как-то нелестно отозвался о Вере при Алене, жене сына. Невероятно мстительная, упрямая и умеющая настоять на своем, даже если не права, Алена считала лишь собственное мнение непререкаемым и с первых же дней замужества превратилась в семейного диктатора, не терпящего инакомыслие.

Именно она, слыша постоянные жалобы свекра на свою молодую жену, решила воспользоваться предоставленным случаем посеять рознь между супругами. Ну как не пожалеть бедного и стареющего свекра, который вот-вот лишится внимания жены при появлении маленького ребенка? И Алена посочувствовала ему и предложила свою помощь, если когда-нибудь понадобится.

Для Сергея слова снохи оказались бальзамом на душу. Как же, оказывается, приятно, когда тебя понимают и сопереживают твоим жизненным неурядицам. И он открыл для себя заветную дверцу, которой с удовольствием пользовался при появлении необходимости кому-нибудь поплакаться.

Алена же восприняла его жалобы призывом к действию и взяла над свекром шефство. Теперь Сергей выполнял все ее советы и предписания. И как было игнорировать их, если они и в самом деле приносили ощутимые плоды. Например, Вера, беременность которой «неожиданно» прервалась, уже должна была задуматься о том, следует ли ей повторять свою неудавшуюся попытку.

Вот третьего шага неповиновения Веры Сергей простить уже не мог и вознамерился наказать жену на всю оставшуюся жизнь. Как могла она, имя которой Никто, Ничто и звать Никак, подать на развод?! И с кем – с уважаемым и известным всему городу бизнесменом! С тем, перед кем люди расступаются, давая дорогу и подобострастно заглядывая в рот, ловя каждое слово, лишь бы хоть как-то удостоверить свою почтительную покорность, которая будет им замечена и вознаграждена материально.

И снова незаменимая Алена предложила свою помощь. Ведь это она нашла пронырливого адвоката-посредника и даже оплатила его весьма оригинальные услуги, позволившие оставить Веру с детьми и матерью ни с чем.

Вера сама виновата, если не оценила благородства мужа и не пожелала окончательно превратиться для него в энергетического донора. Именно поэтому Сергею так подходила Вера.

Ведь стоило ему немного потрясти жену эмоционально, он тут же чувствовал, как сам наполняется ее бросовой отрицательной энергией, становится мощнее.

Теперь жизненная силища так и перла из него, словно он напился молодостью и бессмертием. Вера же, наоборот, после каждого искусственно разожженного мужем на пустом месте скандала, бледнела, худела, сникала, как проколотый воздушный шарик, превращаясь из молодой цветущей женщины в бледное подобие человеческой особи и тень своего мужа. А как она хотела? Раз вышла замуж за мужчину на пятнадцать лет старше, то и должна поделиться с ним цветущим видом и здоровьем.

Посоветовавшись с адвокатом и разжившись у него купленным за немалые деньги договором займа пятилетней давности между свекром и ее мужем на строительство дома, Алена предложила мужу затеять с отцом судебную тяжбу за завидное имущество. На победу она денег не жалела.

В итоге старания ее оправдались, и Виктор стал обладателем не только двухэтажного дома отца, но и бизнеса, и двух иномарок. Все-таки неплохой из Алены стратег, и она вполне собой довольна. Теперь следовало закрепить результат и оставить полученные богатства в своем единоличном владении. И не нужно никакого завещания от свекра, ведь отныне все и так принадлежит Виктору, то есть Алене. Узнать бы только, куда он спрятал деньги, которые снимал со счетов, чтобы не делиться с женой. Но и с этим она скоро разберется.

Между тем Сергей, решив продолжить трагикомедию, чтобы от души насладиться заслуженным успехом, нагрянул на следующий день незванным гостем на квартиру. Однако дверь оказалась запертой на засов.

Другой бы на его месте уже оставил бедную женщину в покое, но только не он. Стоя возле недоступной квартиры и покручивая на пальце кольцо с бесполезными ключами, Сергей думал о том, что постоянное отсутствие Веры рядом приносит ему ощутимый дискомфорт. Привыкший к допингу организм отказывался служить ему верой и правдой без соответствующей подпитки. Сергею требовался хороший скандал, чтобы зарядить слабеющее тело.

Он спустился к машине и, поглядывая с усмешкой на окна квартиры, забрал из багажника необходимые инструменты и снова поднялся на свой этаж. Не обращая внимания на любопытствующих соседей, шныряющих мимо, хладнокровно принялся разбирать входную металлическую дверь, отвинчивая для начала деревянные планки верхнего покрытия. Работал медленно и основательно, всем своим существом впитывая энергию страха, исходящего из наглухо закрытой квартиры.

Он слышал, как плакали от ужаса девочки, его несостоявшиеся дочери, и со слезами умоляла оставить их наконец в покое бывшая уже теща. С удовлетворением ощущал, как сам наполняется чужой болью и страхами, преобразующимися его организмом в источник жизненных сил. Румянец покрывал его щеки, сердце билось сильнее от избытка энергии, но он намеревался довести до конца начатое дело по наказанию своей бывшей, а потому останавливаться не собирался.

Вера, прорывавшая всю ночь от безысходности и еще не пришедшая в себя от осознания полного поражения, не выдержала нервного напряжения и на свою голову вызвала полицию. Дверь к этому моменту уже была разобрана, замки и задвижки сняты.

Сергей поведал нагрянувшему полицейским душеспитательную историю о своем бедственном положении: мало того что у него вчера за долги отобрали дом, единственное его пристанище, так еще и бывшая жена не пускает в собственную квартиру, и ему приходится ночевать у знакомых. Сергей как бы нехотя предъявил участковому паспорт с регистрацией по этому адресу. Он же не многого просит – чтобы ему предоставили хотя бы угол в квартире.

Полицейские тут же стали на сторону обиженного и, грозно сверля Веру взглядами, объявили, что если та еще хоть раз позволит себе подобное хулиганство, будет оштрафована на крупную сумму, а то и арестована. Затем удалились с сознанием выполненного долга.

Вера стояла ни жива ни мертва, гордо глотая обиды и стойко снося оскорбления, упорно делала вид, что камень, брошенный в нее бывшим мужем, не только не убил ее насмерть, но даже пролетел мимо, не ранив и не задев никак.

Сергей походил по квартире, тщетно разыскивая какую-нибудь еду, но вредная старуха уже успела припрятать съестное в своей комнате. Наверняка это были ее фирменные вкуснейшие пирожки с картошкой и сыром, равно как и борщ, который она умела готовить как никто другой.

Но теперь эти кулинарные изыски уже недоступны для бывшего зятя, а потому Сергею ничего более не оставалось, как покинуть поле брани. Однако покинуть победителем, вытрясшим душу не только из своей бывшей, но и из ненавистной тещи и чужих для него детей, обещая завтра же вернуться с вещами и поселиться в квартире хозяином, коим он и являлся.

Пока Вера, очумелая от горя, сидела на кухне, схватившись за голову, Зоя Васильевна сбегала к соседу по площадке и попросила наладить раскучуроченную входную дверь. И как только они снова оказались в безопасности – разумеется, относительной, – Вера наконец дала волю чувствам, оплакивая свою горькую судьбу. Чем она так провинилась перед Господом, что он отказался ее защитить? А дети-то малолетние, уже однажды потерявшие мать родную, чем не угодили?

Вера рыдала в голос, и Зое Васильевне даже пришлось включить телевизор погромче, чтобы избавить девчонок от свидетельства полной никчемности их нынешней матери, жизни без которой они себе уже не представляли.

«Что за дела, Господи! Чем я так прогневила тебя, что ты посылаешь мне столь непосильные испытания?» – вопрошала она Бога, не в силах справиться со своим разумом, отчаявшимся найти выход из создавшегося положения.

Вера прекрасно осознавала, что если обратит обвинение против себя самой, то ей больше ничего не останется, как расквитаться со своей проклятой жизнью, наказав себя так, чтобы душа больше не болела. Но решиться на самоубийство она никак не могла. Выходило, что этот способ для избавления от несчастий годился только для нее самой. А как же тогда дети и престарелая матушка?

Нет, себя обвинять Вера не имела права! Тогда кто повинен в ее бедах?

Она чувствовала, как из нее выползают какие-то мерзкие сущности, вселяющие в душу невыразимый ужас и заставляющие относиться к себе как к самой ничтожной твари, покинутой Богом. Неужели это и в самом деле так? Неужели изображать великодушные пристало лишь тем, кто страшится взять на себя ответственность за свою жизнь и опасается занять определенную позицию в жизни?

Несомненно, гораздо проще верить в свою добропорядочность, чем кому-то противоборствовать и отстаивать поправленные права. Намного легче проглотить все самые жуткие несправедливости, принять унижение от кого бы то ни было, чем набраться храбрости и вступить в борьбу с сильным и безжалостным противником.

А не Божья ли это кара, ниспосланная за то, что она принимает все происходящее с ней как должное? Так безропотно, словно и в самом деле заслужила, чтобы ей исковеркали жизнь. Неужели она наказана за то, что всегда считала себя чересчур хорошей, а потому и впала в грех гордыни?..

Может, уже хватит изображать из себя святую, оскорбляя тем самым Бога! Пора признать у себя наличие слабостей и пороков. А может, даже и заключить сделку с собственной совестью, если потребуется.

Довольно, чаша страданий и терпения уже переполнена, и Вера больше не намерена безропотно выносить чьи-то попустительства! Даже от Бога!..

А если Он привел ее к неизбежному затем, чтобы показать, что человек должен выбирать, а не принимать безропотно свою судьбу? В конце концов, может оказаться, что у добра и зла

одно лицо. И все зависит лишь от того, когда они встречаются на пути у каждого человека. А потому и несчастье следует принимать не как наказание, а как испытание.

Значит, Он ее просто испытывает? Ничего себе испытание, после которого она с близкими не сегодня завтра окажется на улице!

С другой стороны, получается, что если неизбежное уже произошло, то страх его наступления лишается какого бы то ни было смысла. Раз она и так все потеряла, то ее страхи по этому поводу должны закончиться. И теперь Вере остается надеяться лишь на то, что она примет в дальнейшем верное решение.

А что, вполне возможно. Тем более что другого-то объяснения все равно нет. И следует не просто надеяться, но начать уже незамедлительно действовать. Хватит слезы-то лить! Они еще никому не помогли. Только силы зря отнимают.

Вот она возьмет и поменяется ролями со своим врагом. Перестанет строить из себя бедную золотую рыбку, запутавшуюся в сетях рыбака-браконьера, а сама станет рыбачкой-любительницей и попытается вытащить на берег рыбку-хищницу, оставившую ее семью без крова...

Да-а, уж чего-чего, а воображения ей не занимать. Вера уже второй день не вставала с постели, оплакивая несчастливую судьбу. Душившая обида ослабила тело и вымотала душу.

Зоя Васильевна не смела подойти к дочери, так как понимала, что никакие уговоры и убеждения сейчас не помогут. Да и чем она могла помочь? Рассказать, что не стоит ни при каких обстоятельствах падать духом? Так Вера и сама об этом знает, еще и мать научит, как следует вести себя в сложных обстоятельствах.

Но смотреть, как ее дочь тает на глазах, она тоже не собиралась. Вере сейчас может помочь только совет профессионала. Зоя Васильевна, строго-настроено наказав восьмилетней Оленьке и шестилетней Наточке вести себя хорошо и не беспокоить мать, отправилась к соседке, чтобы воспользоваться телефоном для розыска опытного адвоката. Совсем не нужно, чтобы об этом знала Вера.

Обзвонив знакомых, а также поговорив с адвокатами, которых те посоветовали, она сделала для себя неутешительный вывод: никто в городе не согласится помогать ее дочери после того, как судья Никонова «поставила на ней крест».

И все же один еще совсем юный слугитель Фемиды, который только начинал свою карьеру, посоветовал обратиться к старейшему и опытнейшему адвокату их города, уже не практикующему, но могущему дать дельный совет, – Перепёлкиной Анастасии Львовне. Его самого она навела на такую мудрую подсказку, что он теперь считает ее светилом адвокатуры, ведь, несмотря на преклонные лета, «голова у нее работает лучше, чем у всех, вместе взятых, адвокатов города». Подобная лестная характеристика пришлась Зое Васильевне по душе, и она записала телефон и адрес адвоката.

Надежды на то, что Вера послушается мать и пойдет к Перепёлкиной, у Зои Васильевны не было никакой. А потому она решила сама обратиться к расхваленному в пух и прах специалисту по трудноразрешимым ситуациям. Зоя Васильевна твердо верила в то, что две матери всегда поймут друг друга, особенно, если дело касается их детей. Может, и Вера ей когда-нибудь пригодится, ведь она считается в городе лучшим аудитором, а хорошие аудиторы теперь на вес золота, потому как насквозь видят всю подноготную любого бизнеса.

Долго не собиралась. Тут же и отправилась навестить местную знаменитость, приготовив свои фирменные пирожки с картошкой и сыром.

Зоя Васильевна опасалась, что ей придется применять все свое умение уговаривать и убеждать кого угодно в чем угодно, но ошиблась. Анастасия Львовна пребывала в каком-то задумчиво-рассеянном состоянии и сначала, похоже, даже не поняла, кто и зачем к ней явился. Она, видимо, приняла Зою Васильевну за одну из соседок, потому что тут же усадила за стол

и принялась угощать чаем. Но сама тем временем все поглядывала на часы и прислушивалась, словно ожидая кого-то.

– Извините меня, дорогая Анастасия Львовна, вы, видимо, ждете кого-то? А я тут нагрязнела со своими проблемами.

– Да, действительно, – тут же откликнулась та, словно только и ждала, чтобы ее об этом спросили. – Вы представляете, происходит нечто странное, а я никак не могу понять, что именно. Мой сын, Максим, сначала совсем не отвечал на мои звонки, а потом и вовсе его сотовый оказался вне зоны действия Сети. Мне как-то тревожно на душе, словно с ним приключилась беда. Никак не могу привести свои мысли в порядок, все ужасы какие-то мерещатся. Я ведь его очень поздно родила, и кроме него у меня больше нет никого, вот и трясусь над ним до сих пор, как над маленьким. Если бы только я была помоложе, непременно что-то предприняла для его поисков. А теперь только заявление в полицию отнесла о его исчезновении – вчера еще, после того как телефон оказался вне зоны доступа, – да больницы обзвонила и еще всякие другие неприятные места. Но в первую очередь, конечно, всех знакомых порасспросила. Но они ничегошеньки о нем не знают. Лишь сейчас начала осознавать, какая же старость – не радость.

– А когда вы его видели в последний раз? – спросила Зоя Васильевна, прямо как заправский сыщик. Вот, оказывается, какие несчастья могут случаться с людьми, а они пекутся о каком-то имуществе.

– В пятницу вечером после шести. То есть получается, что уже позавчера. Он заехал, продукты завез, сказал, что едет по делам, и больше я его не видела. Сегодня воскресенье, а от него никаких вестей. Я чувствую, что с ним что-то случилось. Материнское сердце не обманешь.

– К сожалению, своих услуг я вам предложить не могу, да и двое детей несовершеннолетних у меня на руках. А вот дочь моя, Вера, женщина молодая, энергичная. Может, она вам чем поможет?

– Это правда?! – не поверила Анастасия Львовна. – Она и в самом деле мне согласится помочь?

– Думаю, что да. Вот только в толк не возьму, чем.

– Я знаю, чем. А когда она ко мне сможет прийти?

– Даже не знаю. Я сейчас домой пойду и с ней поговорю. А вам перезвоню.

– А вы-то ко мне зачем приходили? Извините, что сразу не спросила. Каждый прежде всего думает о своем горе.

– Мы об этом поговорим в следующий раз. Прежде надо решить, как найти вашего сына.

И Зоя Васильевна, преисполненная желанием помочь ближнему, поспешила домой. Вера уже встала и что-то готовила на кухне. «Слава Тебе, Господи! – подумала Зоя Васильевна. – Пришла наконец в себя!» Она испытующе смотрела на дочь, не решаясь начать разговор. Неизвестно еще, как отнесется Вера к ее самодеятельности.

– Так и будешь сидеть молча? – спросила Вера, подозрительно глядя на мать. – Что еще придумала по спасению своей дочери от хандры?

– Ну что ты, Верочка, ничего я такого не придумала.

– А не такого? – настаивала та. – Колись уже, заговорщица. Я же вижу, у тебя что-то на уме.

– Я только что была у самого опытного и мудрого адвоката, какой есть в нашем городе...

– Я так и знала! – вспыхнула Вера, недовольно глядя на мать. – А я тебя просила? Один уже предал меня, так ты мне другого разыскала? Ну, спасибо тебе, мамочка дорогая! Ты, видимо, уже не знаешь, в какую дыру засунуть те небольшие деньги, что у нас остались? Совсем решила нас разорить?

– Верочка, да она сама в беде. И просит у тебя помощи, – выпалила Зоя Васильевна и приготовилась к еще более непредсказуемой реакции дочери.

– Ты о ком? Кто просит помощи?

– Так Перепёлкина же, лучший адвокат в городе. Правда, она уже не практикует, но совет, говорят, может дать очень дельный. Так вот, у нее пропал сын. Она его уже второй день найти не может. И она была бы рада, если бы ты ей помогла.

– Вот так история. Да чем же я-то могу помочь?

– Не знаю. Но Анастасия Львовна уверена, что сможешь. Она даже знает, чем.

– Мама, скажи: и что тебе дома-то не сидится, а? Зачем ты ищешь неприятностей на нашу голову? Тебе своих, что ли, мало? Нашла себе новую заботу? Вернее, мне!

– Но, Верочка, ты можешь и отказаться.

– Это после того, как ты пообещала ей мою помощь?! Ну, знаешь...

– Извини меня, пожалуйста! Хотела как лучше, а получилось как всегда. Пойду позвоню и извинюсь.

– Не нужно куда звонить. И вообще это не телефонный разговор. Я лучше сама схожу к ней и разузнаю из первых рук. Может, она себе все напридумывала? Его нет всего вторые сутки, а она уже в панику ударилась.

– Если бы не могла до тебя дозвониться какие-нибудь два-три часа я, то тоже запаниковала. А она мучается в ожидании целых два дня. Я бы за это время уже с ума сошла. Она же молодец, держится.

Зоя Васильевна замолчала, чтобы снова не вызвать огонь на себя. Пусть сама решает, как ей следует поступить. Но, похоже, дочь отступать не намерена. Вот и славно, пусть отвлечется на время от своих проблем. Не зря говорят: если хочешь себе помочь, помоги тому, кому тяжелее... Или это она сама сейчас придумала?

Вера заглянула в зеркало. Первый раз за два дня. Глаза красные от слез, да и веки припухшие, но умело наложенная косметика поможет скрыть следы былой истерики. Спутанные неряшливые волосы также ничего не стоит привести в порядок. И Вера отправилась в душ. Хорошо, что появилась причина выйти из дома.

Она медленно брела через городской парк и вдыхала хрустально-чистый воздух с чудными запахами цветущих деревьев: березы, ивы, тополя, алычи, абрикосов. Буйства ароматов, и из них самый любимый – сирени, – кружили голову, навевая мысли о том, что никакие неприятности не смогут заслонить красоты живой природы. Ничто на Веру не действовало так благотворно, как солнечная погода.

Стоило лишь окунуться в весеннюю атмосферу, и вот уже несчастья не кажутся такими неодолимыми, а впереди маячит надежда с кучей вариантов разрешения еще вчера непосильных проблем. Даже находятся силы и желание помочь тем, кому намного хуже. Поэтому Вера непременно скажет свое веское слово этой нележкой, но такой захватывающей жизни.

Интересно, если бы неприятности отсутствовали, как люди могли осознавать, что на самом деле счастливы?

Перепёлкина жила в собственном одноэтажном доме из пяти комнат, окруженном ухоженным цветущим плодовым садом. Вера нажала на кнопку звонка, в доме раздался заливистый перезвон. Анастасия Львовна уже спешила по тропинке сада, чтобы отворить для гостьи калитку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.